

Виктор Кукушкин

Виктор Юрьевич Кукушкин

Небесная Канцелярия

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51085950

SelfPub; 2021

ISBN 978-5-532-07651-8

Аннотация

Герой получает удар за ударом: увольняют с работы, подаёт на развод жена, и неделю назад он должен был погибнуть. Но в Небесной Канцелярии случилась накладка. Его забирают на неделю позже. Герой начинает бороться за жизнь, за свои права. Подает заявление в суд Небесной Канцелярии на Небесную Канцелярию. И выигрывает! Его не сразу смогли вернуть на прежнее место. Посланники Канцелярии сначала забрасывают его в прошлое, потом в далекое будущее. Наконец, он попадает в настоящее, в современную Москву. Посланники Канцелярии остаются, чтобы за ним проследить.

Содержание

Глава первая	4
Глава вторая	45
Глава третья	80
Конец ознакомительного фрагмента.	106

Виктор Кукушкин

Небесная Канцелярия

Глава первая

1

Пережив цепь неприятных событий, закрывшись в квартире, Кирилл уснул. Спал долго, дольше ночи. Уже стал уставать ото сна, пытался проснуться, но сознание ещё где-то блуждало. И потому просыпался будто бы не он, а какая-нибудь частица, молекула, внедряемая в этот мир, в перестук поездов, в завывание ветра, в любое многообразие, – куда захочется! Наконец, Кирилл начал осознавать себя, готовиться к тому, чтобы быть кем захочется, в крайнем случае, кем придется – и от ощущения перспектив многообразия на лице появилась улыбка.

Телевизор, в задачу которого входило будить, уже давно включился, передал все последние известия и самостоятельно выключился.

Наверное, Кириллу нравилось находиться на грани между сном и реальностью, между человеком и молекулой. Возможно, его сознание, возвращаясь обратно, случайно заблудилось в переданных телевизионных новостях и уже совершало вместе с героями этих новостей поступки.

Наконец, Каркушин открыл глаза и с ужасом обнаружил, что проспал и опоздал на работу! И где те перспективы? Он, кажется, вспомнил всё о себе и своей жизни, и даже за такую жизнь надо ещё побороться.

Подбежав к перекрестку, Каркушин увидел остановившуюся маршрутку №154 и, сломя голову, бросился наперерез. Всё сконцентрировалось в одном месте – нужная деталь, нужный объект материализовались и попали в резкость. Визг тормозов, кто-то ахнул, скрежет металла, непонятное бормотание, напомнившее молитву, испуг породил молитву, глухой удар поставил точку.

Каркушин успел подпрыгнуть к маршрутке, но та оказалась забитой. Единственное место, на которое он претендовал, быстро занял другой, Каркушин даже не успел возмутиться. К радости Кирилла, со стороны аварии вынырнула другая маршрутка, в ней сидели всего двое: сторбленная старушка и мужчина неопределенного возраста в наушниках. Оба почему-то раскачивались, мужчина взад-вперед, старушка из стороны в сторону. Кирилл уже хотел шагнуть в дверь этой маршрутки, даже занес ногу, и тут в сознание ворвался резкий автомобильный гудок, вслед за гудком услышал свое имя (такой звук, словно в вакууме):

– Кирилл!.. Каркушин? На работу? Садитесь, подвезу!

И он как бы увидел себя со стороны, а потом увидел соседку. Соседка по лестничной площадке Вера выглядывала

из окна своего автомобиля и щедро улыбалась. И Кирилл сел в автомобиль Веры.

– Ещё не проснулись?.. Сигналю, не слышите. На вас авария так подействовала?.. Такое ощущение, буквально секунду назад видела вас во дворе. Потом появилась уверенность, что опять вас увижу! И точно – стоите на остановке! – поделилась впечатлениями словоохотливая Вера.

Кирилл уже привык к такому поведению соседки, при встрече с ним она всегда становилась словоохотливой и говорила запутанно. Его очумелый взгляд, зажатая в руке десятка, предназначенная для оплаты маршрутки, вызвали в Вере новый прилив нежности и оптимизма. Кирилл ещё долго потом соображал, то ли отдать Вере ставшую теперь уже ненужной десятку, то ли добавить ей ещё денег, то ли, чтоб не обидеть, отплатить чем-нибудь ещё.

А Вере ничего и не нужно было, она и так рада была, что подвозила соседа. Кажется, она готова была доставить его куда угодно, даже на край света, даже по лестнице в кабинет, на руках, пусть и ценой личного опоздания на работу.

Вскоре Кирилл позабыл о десятке, сознанием устремившись туда, куда его мчал автомобиль. Там жила его надежда, там в пробирках для опытов происходило очень важное, может, самое важное, там должен был быть успех! Количество неудач и провалов когда-нибудь обязательно должны перерасти в успех. Кирилл часто не замечал, что происходит вокруг, и сейчас не заметил преследовавшую их маршрутку.

– Смотрите, за нами ваша маршрутка... Чего это она?! – заметив маршрутку, сообщила Вера.

– Они сейчас быстро ездят, – рассеяно кивнул Кирилл.

– Что-то подозрительно быстро. Она буквально нас преследует! Может, ревнует, что я увела у неё клиента?.. – на пряженную улыбку Веры сменил испуг. – Куда мы, туда и она.

Маршрутка пошла на обгон, прижимая машину Веры к обочине. Резкий маневр позволил избежать столкновения. Машина Веры вильнула и рванула вперед. Маршрутка повисла на краю дороги.

– Она что, с ума сошла?.. – растерялась Вера, когда маршрутка вновь стала стремительно сокращать расстояние.

Прибавив газ, на ближайшем перекрестке Вера проскочила на желтый. Маршрутка попыталась проскочить на красный и, кажется, попала в аварию. А Вера с Кириллом уткнулась в пробку.

– Опять пробка, – растерялся Каркушин.

– Может, авария где? Ждут гаишников, – предположила Вера.

– Спасибо, Вера, я тут переулками.

– Нет-нет, я вас довезу! И не сопротивляйтесь.

– Я и не сопротивляюсь. Зачем тратить энергию на поддержание конфликта? Тут лучше налево, направо тоже всегда пробки.

– Так? – повернув налево, спросила Вера.

– Так. Видите, и здесь пробка. Маршрутка бы проехала по тротуару.

– Мы тоже можем попробовать по тротуару.

– Я... уже безнадежно опоздал.

– Ну-ну, подвинься еще чуть-чуть. Ну, давай же, – раскочиваясь за рулём, попросила Вера.

– Он, кажется, тоже застрял.

– Сейчас, развернется. И проедем.

– Пешком было бы быстрее.

– Ну, если вы так считаете, что сами быстрее.

– Да, спасибо. На самом деле, вы очень помогли.

– Да?!

– Да.

– В следующий раз будет быстрее! Я уже знаю, как тут проехать.

«Причем здесь следующий раз?» – подумал Кирилл.

Вера обратила внимание на зажатую в руке Кирилла десятку. Кирилл проследил её взгляд, оба смутились. Выйдя из машины, Каркушин попытался незаметно выбросить денежную купюру в урну. Вообще-то, не очень-то правильно выбрасывать что-либо с изображениями государственных символов в урну. Сэкономленную десятку, наверное, следовало положить в бумажник. Но она стала причиной конфуза, поэтому Кирилл решил её уничтожить!

По дороге в институт на него постоянно натыкались люди, или он натыкался на людей, двигаясь против течения. Надо было, наверное, перестроиться, перейти на другую сторону, влиться в людской поток и двигаться вместе с потоком в одном направлении, но Кирилл уже и так опоздал, а ему ещё очень хотелось сделать дела, которые он не успел сделать.

На институтской лестнице в ответ на его приветствия все опускали взгляд, делали вид, что не замечают, за спиной шептались. Шёпот устремлялся вниз куда-то по направлению кабинета директора.

Наконец, Кирилл добрался до лаборатории. На входе табличка «Отв. за пожарную безопасность зам. рук. лаб. К.К Каркушин». Колбы, спиртовки, жидкости, – движутся, дымятся, меняют цвет, нащупывают себя, определяют валентность, чтобы потом приобрести новые свойства и внедриться с новыми свойствами в этот мир. Наблюдая бурление и брожение, искрящие пробирки с веществами и катализаторами, Кирилл всегда вспоминал детство, новогоднюю ёлку с разноцветными огнями, подарки в красивых пакетах, тайну, которая вот-вот откроется, и забывал обо всём. Он и сейчас чуть не забыл обо всём, но надо было спешить в кабинет к директору.

– Подождите, пожалуйста! Доложу по селектору, – краснея, еле выговорила секретарша, и осторожно, вытянув шею: Пришел Кар-ку-шин.

– Пусть подождет, – так же осторожно прошипел селектор.

– Может, попозже? У меня эксперимент. Вдруг начнётся цепная реакция. Хотя ещё точно не знаю. Это эксперимент.

– Нет-нет, не уходите! Вас потом нигде не найдёшь. Цепная реакция подождет! – у секретарши всё валилось из рук.

– Вам, конечно, виднее, – обреченно вздохнул Кирилл и сел на стул ждать, потом стал клевать носом.

– Ой, извини, – наткнулся коллега Степашкин. – Опять спишь?

– Я не сплю, я думаю. Заодно экономлю энергию, чтобы та не уходила впустую, – ответил Кирилл.

Фраза «я не сплю, я думаю» появилась у Кирилла во время учебы в институте. Тогда он не высыпался по ночам, на лекциях приходилось оправдываться. Лекции казались скучнее ночных общений с Аней, студенткой параллельного курса, его будущей женой. Потом, после института, к фразе прилила реплика про энергию. Что за энергию? куда она не должна уходить? – никто толком не знал. У кого-то сложилось мнение, что у Кирилла слишком мало энергии, чтобы нормально жить, у кого-то – наоборот: слишком много, раз он её копит, и потому, мол, его энергия разрушительна и создаёт дополнительные проблемы окружению.

Степашкин уже стоял у стола секретарши:

– Пусть зайдет через минуту, – сказал он про Каркушина, словно того здесь не было.

«Через минутку» секретарша стала бросать смущённые взгляды, и Кирилл понял, пора заходить.

Представители ученого совета восседали за длинным столом. В их взглядах, словно под копирку, сквозил укор. Во главе стола – директор. Степашкин, при появлении Кирилла, отпрыгнул от директорского уха и встал у директора за спиной.

– Опять проспали, – опуская взгляд, смущенно вздохнул директор.

– Не опять, а снова, – ехидно подмигнул Степашкин и тоже почему-то опустил взгляд.

– Тут пришел сигнал... Вы, конечно, талантливый... но постоянно просыпаете и опаздываете на работу, – пробормотал директор.

– Я же все компенсирую. За меньшее время делаю больше, даже много больше других, то есть некоторых. К тому же, реакция с веществами от моего присутствия не зависит. Мне б в лабораторию.

– Вот-вот!.. Поэтому ваша излишняя энергия разрушительна и плохо влияет на коллектив. Коллектив должен работать как слаженный механизм, в одном ритме. Только тогда можно чего-то добиться. И не надо нам этих катализаторов, гидролизаторов, ни каких-либо других холодных душ. До зарплаты бы дотянуть.

– Ясно! – Кирилл решил освободить директора от излиш-

них угрызений совести, иначе лицо того совсем бы окислилось. Одновременно он попытался рассмотреть место, куда директор и Степашкин опустили свои взгляды. Не увидев там ничего интересного, спохватился и посмотрел на часы.

– Опять куда-то спешите! – встрепенулся директор.

Хлопок сверху в лаборатории заставил всех сжаться. Директор осторожно перевел взгляд на Степашкина. Степашкин, истолковав взгляд по-своему, кисло улыбнулся и как бы за директора сообщил:

– В общем, с сегодняшнего дня вы уволены.

– Не волнуйтесь, пожалуйста, – попытался подсластить «пилюлю» директор. – Вас всё равно куда-нибудь пристроят.

– У нас никого просто так не выбрасывают, если, конечно, сам не захочешь, – добавил Степашкин.

Каркушин побледнел. Необратимая цепная реакция закончилась и опять не в его пользу.

– Когда стольник вернешь, гад? – холодно процедил Кирилл.

– Какой стольник? – закрутил головой Степашкин.

Все тоже закрутили головами, беспомощно улыбаясь.

– Он сидит на постоянной зарплате. Я лишь получаю за свои опыты и то, если они удачные, – попытался пробиться к сердцам ученого совета Каркушин, но в кабинет уже стали пробиваться едкий дым и неприятный запах.

С воем пронеслась пожарная машина, волной от здания отхлынула толпа, из толпы с сажей на лице вынырнул Каркушин и поспешил к перекрестку. Там должна состояться встреча с женой. Сначала Кирилл увидел подругу жены. Женщины встретились и поцеловались, прислоняясь щеками и озвучивая всё чмоканьем. Подойдя, Кирилл тоже хотел поцеловаться с женой, но наткнулся на фразу:

– Привет, Каркушин... Несешься, словно на пожар. Опять опаздываешь.

Фраза, особенно интонация, подсказывали, с женой лучше держаться на расстоянии. И тогда по инерции, скорее всего по инерции, Кирилл поцеловался с подругой жены, чтобы жена не заподозрила, что он хотел поцеловаться с ней. А поскольку целоваться, как они он не умел, он просто поцеловал подругу жены, добавив, на всякий случай в сторону жены:

– Привет Каркушина.

– Пока Каркушина, формально Каркушина, уже почти не Каркушина, – сбиваясь и краснея, уточнила жена. Поведение мужа вогнало её в жар. Воздух вокруг неё стал плавиться, отчего пожарная машина, мчавшаяся на пожар, притормозила.

– Впрочем, ты тоже опоздала, – добавила жена в сторону подруги.

Возле загса подруга жены дипломатично отошла в сторону, сев на скамейку. Там она взяла зеркальце и оттерла сажу с лица, оставшуюся после поцелуя. А чета Каркушиных

по ступеням загса стала подниматься наверх. Прочувствовавшись торжественностью момента, Кирилл неосознанно, скорее всего, неосознанно, попытался взять жену под руку. В воспоминаниях зазвучал марш Мендельсона.

– Ты что?! – отобрав руку, осадила жена.

И в сознании зазвучала совсем другая музыка.

В помещении загса пришлось ждать. Впереди две пары за-полняли заявления о регистрации брака: молодой старик с пожилой девушкой; и чернокожий с девушкой ещё старше. В стороне, взявшись за руки и насупившись, сидели две девушки.

– Мы развестись, – сообщил Кирилл, когда подошла их очередь.

– Впервые разводиться? – поинтересовалась работница загса, внимательно осмотрев Аню с Кириллом.

– Да.

– Хорошо подумали?

– Хорошо, – сокрушённо вздохнула Аня.

– А вы? – обратилась работница загса к Кириллу.

– Я как-то и не думал... не успел, – растерялся Кирилл. – Да и зачем всё это? Думать, то есть...

– Подумайте! – властно сказал женщина. – Я вам дам время.

– Не надо нам время! – возмутилась Аня.

– Надо, голубушка... то есть Каркушина, надо! Время –

оно всем надо, – с наставлением сказала работница загса. – Тем более, почти таким молодым, как вы. Редко сейчас встречаются такие нормальные.

– Почему вы за нас решаете? – возмутилась Аня.

– Потому что я здесь работаю! И несу ответственность за все эти безобразия. Документы мы будем подписывать вместе. Это вон там, в дальней комнате, думать не надо. Там и без вас за вас подумают, всё сделают и подпишут, когда придет время. А здесь надо хорошо думать!.. К тому же, я вам в матеря гожусь.

Работница загса, казалось, проникла к Кириллу симпатией и ждала от него намека для дальнейших действий. Но Кирилл не решился проявить инициативу, чтоб лишний раз не оказаться виноватым. Кто знает, как оно там повернется? В последнее время, Кирилл привык жить в рамках предлагаемых обстоятельств. Аня попробовала возмутиться, но работница загса вновь её опередила.

– И даже если бы и не годилась в матери... должность, голубушка, то есть Каркушина, всегда делает человека умнее, независимо от возраста. Должности даже больше, чем возраст управляют человеком!

– Сколько ещё ждать? – отрезала Аня, понимая, что препирательства бесполезны.

– Вы хотели сказать «думать»? – спокойно уточнила работница загса. – Неделю! – полистала в тетрадке, добавила: А лучше девять дней! На девятый день, приходите. Но луч-

ше, чтоб вы вообще не пришли.

– Нет, мы обязательно придем! – твердо отчеканила Аня и, взяв Кирилла под руку, развернулась и спокойно выдохнула: Пошли, дорогой.

– Тебя подвезти? – смягчилась она на улице.

– Нет, я на своих двоих. То есть на маршрутке.

– Смотри. На неделе заеду. С подружкой! Некоторые вещи надо забрать.

Возвращаясь домой, Кирилл увидел на перекрестке искореженный остов маршрутки, милиционеров с линейками и мелками, разрисовывающих асфальт. И ещё – его, как будто пронзил взгляд воспаленных глаз из-под исковерканного железа.

Содрогнувшись, он поспешил к подъезду.

4

В дверь позвонили. На пороге стояла соседка Вера.

– Кирилл, вы один?.. У вас есть соль?

– А у вас есть хлеб?

– Есть! – обрадовалась Вера. – Сейчас принесу.

Кирилл отсыпал соседке в коридоре соль, посолил принесенный кусок хлеба.

– Может, я вас борщом накормлю? – предложила Вера, заглядывая через плечо Каркушина в комнату. – В деревне

поросенка закололи. Мне тоже прислали.

– Не сегодня. Сегодня ничего больше не хочется, – проглатывая кусок хлеба, сообщил Кирилл.

Вера не спешила уходить. То ли ей хотелось ещё пообщаться, то ли лучше осмотреть квартиру.

– А я видела вас у загса с женой. Там случайно проезжала. Она уже сюда не придет?

– В течение недели, точнее девяти дней, она ещё сюда спокойно может прийти. В любое время. Потом, может, и придет. Хотя, как у неё извилины лягут. Они у неё всегда почему-то по-разному ложатся.

– Я пойду?

– Ыгы.

– Нет, я все-таки накормлю вас борщом!

– Нет, я уже наелся.

– Вы должны поесть через силу!

– Не-ет. Я должен побыть один.

– Да-а! вы должны меня слушать...ся. Вам нужны силы!

Кирилл молча, почти перед самым носом соседки, закрыл дверь, прошел в спальню, лег на кровать. Сил у него, действительно, почти не осталось.

Неожиданно в проем двери вошли два странных существа. При виде первого Кирилл содрогнулся, настолько существо казалось страшным и уродливым: толстое, рыхлое, в бородавках обносках, и совсем не походившее на человека.

Второе существо казалось изящным, воздушным и прекрасным, хотя тоже не походило на человека.

– Вы кто? – переводя взгляд с одного существа на другое, спросил Кирилл.

– Я жизнь, – ответила страшила.

– А я смерть, – ответило существо, выглядевшее прекрасным.

– Очень странно, – прошептал Кирилл.

– Что странно?

– Думал, вы выглядите по-другому. Думал, жизнь должна выглядеть красиво, а смерть наоборот.

– А ты не думал, что жизни не обязательно заботиться о своей внешности? Её и так любят. А смерти, наоборот, нужно хитрить, изворачиваться, украшаться, чтобы хоть как-то привлечь к себе внимание.

– Полюби меня грязненькой, а чистенькой меня всяк полюбит.

– Ну что?

– Что?

– Кого из нас выбираешь?

– Уж слишком вы некрасивы. А вы не обманываете... что жизнь?

– Выбирай! Мы можем и изменить свою внешность. Но выбор ты должен сделать здесь и сейчас!

– Выбирай! Иначе этот выбор сделают за тебя!

– Если уже не сделали.

– Главное не медлить. Что же ты медлишь?

– Я не медлю... Просто, это, кажется... кажется... звонит моя жена!.. – пробормотал Кирилл.

В квартире, действительно, как будто, звенел телефон.

– Ну, будешь ты выбирать или нет?!!

– Мужчине не пристало медлить!.. Давай быстрее!

– Это, кажется, звонок телефона... Я угадал?

– Угадал, угадал.

И уже где-то в стороне.

– Если исходить из закона сохранения энергии, жизнь и смерть всегда должны находиться рядом.

– Он этого не понимает.

– Потом поймет.

5

Телефон не умолкал. Кирилл не сразу проснулся. Сначала рука нащупала пространство вокруг, потом, скорее от удивления, он открыл глаза, взял будильник, посмотрел на часы, для надежности бросил взгляд в окно, потому что часы не умеют отличать день и ночь, наконец, встал и пошёл к телефону. Недосмотренный сон, словно недопитый бокал с вином, поднялся вместе с ним с кровати, в ушах стоял шум, напоминающий колыхание волн.

– Каркушин, чего не подходишь? Спишь что ли? – голос жены содержал слишком много любопытства.

– Я не сплю, я думаю... И заодно...

– Ааа... – любопытство выдохнуло разочарованием. –
Помнишь, куда завтра идем?

– Помню. Уже завтра?!

– Да уже завтра! Ровно в двенадцать!

– Хорошо... А вещи?

– Какие вещи? Ах, вещи!.. Не было времени забрать. Когда они у тебя, мне как-то спокойнее. Да, и – попрошу не опаздывать!..

Положив телефон, Каркушин произнёс:

– Могла бы и не говорить.

Прилег. Стал впадать в дрему, и опять звонок. Теперь уже в дверь. На пороге стояла Вера.

– Кирилл, у вас есть соль?..

И снова зазвенел телефон:

– Здравствуйте, говорит автоматическая система оповещения... К сожалению, у нас нет данных об оплате... В случае неуплаты в течение трех дней мы вынуждены будем закрыть выход...

И опять звонок в дверь. Наверное, он ее случайно захлопнул...

Но, распахнув дверь, Каркушин обнаружил перед собой не подъезд и лестницу, а улицу и остановку. В машине сидела Вера. В стороне дымился искореженный остов маршрутки. Вера что-то кричит, что она кричит, не слышно. Кажется, она зовет его. Слышно другое, звучащее где-то рядом:

– Кирилл, у вас есть соль?..

– Спишь что ли?..

Словно что-то сдвинулось, какой-то синхрон во времени и в пространстве. Перед глазами плыло. Веру перекрыл подозрительный милиционер с дубинкой и в парадном белом. Стали выпадать цвета. Или, наоборот, предметы стали менять цвета, играя друг с другом в пазл или другие современные игры. Потом, вроде, всё встало на свои места.

6

Ноги сами несли по задворкам, зарослям, заросшей тропе мимо деревьев, кустарников, кустов крапивы и сами остановились перед дверью у высокой цементной стены.

– Только у нас дверь плохо открывается, – смущенно сообщили глухим голосом. – Может, вы пролезете в щёлочку? Все так делают.

Дверь, действительно, заедала о каменную плиту. Скорее всего, она просто осела. Никаких следов, свидетельствующих о попытках её открыть. Но Кирилл решительно взял обеими руками по разные стороны двери, поднажал и, сдвинув дверь, открыл её полностью.

– Вот, все так будут делать, и разойдется! – посоветовал он.

– Если все так будут делать, снизу останутся полосы от двери, – проворчал голос. – Придется заново делать ремонт.

– Ремонт всё равно когда-нибудь придётся делать заново.

Поверьте моему опыту, – улыбнулся Кирилл и решительно шагнул вперед.

Пространство за дверью напоминало летний театр. С одной стороны – полукруглая стена, с другой – парк с возвышенностью. Отдельные фигуры людей перемещались хаотично и каждый занят собой. Первое, что заставило забеспокоиться, большинство из них повторяли одни и те же фразы.

– Скорую ему надо, а не милицию. Скорую.

– Помни обо мне, помни обо мне, – это мужчина и женщина играли в «ладушки».

– Членские взносы платить будете?.. – это уже человек с элементами одежды милиционера.

Хрупкая женщина в полупрозрачной тунике, шевелящейся от дуновений невидимых потоков, капризничала:

– Человек должен иметь право на ошибку!.. Ведь должен же, должен...

– Почему оно так болит? Почему... так... – раскачивался худощавый мужчина, прижав руки к груди.

Здесь же обнаружили старушка и мужчина неопределенного возраста с наушниками, сидевшие в той роковой маршрутке, устроившей погоню. Правда, у мужчины с наушниками дизайн стёкол в очках уже был другой – в виде пятак.

Лишь один человек со скрипкой не был замкнут на себе, и переходил от одной группы к другой:

– Хотите, я вам сыграю? Я музыкант! Мне это даже нуж-

нее чем вам. Хотите?.. – предлагал он.

Но все склоняли головы и отвечали «Спи спокойно».

Кирилл попятился назад, дверь оказалась закрытой. Он даже не заметил, когда её закрыли. Не осталось даже малейшей щелочки. Попытка открыть дверь оказалась тщетной. У двери с этой стороны не было ручки и она плотно прилегала к стене.

Скрипач, обойдя все группы, подошел к Каркушину.

– Не понял... где это я?.. – растерянно выдохнул Кирилл.

– Всё вы прекрасно поняли, – ласково заметил музыкант. – Это, как бы лучше объяснить... Здесь инкубатор. Здесь мы проводим девять дней. Сегодня девятый день, сегодня всё и решится. Вы в нашей группе! Вы всех так переполошили, когда вас не оказалось. Когда нас стали считать, обнаружилось, нет одного. Не было вас! Теперь все в сборе! Теперь нас будут отправлять по этапу дальше. Хотите, я вам сыграю?!

– Куда это «дальше»? – совсем растерялся Кирилл.

– Там... эээ... типа другого инкубатора, – добродушно пояснил скрипач. – Там мы уже будем без одежд. А здесь нельзя! Здесь мы ещё не успели утратить чувство стыда. Полный, так сказать, инкубационный период, длится сорок дней. Давайте я лучше сыграю.

И музыкант заиграл. И вокруг стали собираться люди.

– Я не смогу утратить чувство стыда за один день, раз я только что пришёл!.. Я и за сорок дней не смогу утратить

чувство стыда! – пытаюсь прийти в себя, возмутился Кирилл.

– Сможете! Если не сможете – тоже не страшно. Потерпите. После сорока дней у вас отберут не только одежды, но и тело. Стыд тогда потеряет всякий смысл. Нас уже в этом смысле проинструктировали, – донеслось со стороны.

– Не хочу я ничего терять! – перебил Кирилл. – Я домой хочу! У меня развод с женой! Вы не представляете, что она может устроить, если вовремя не приду?!

– Что вы кричите? Здесь теперь ваш дом! И смиритесь перед неизбежным. Смиритесь! Где тонко, там и рвется!

– Не хочу смиряться! И, вообще, – что за насилие? Из своей квартиры... можно сказать...

– Молчите!.. Здесь не принято критиковать этот мир! Все должны жить в мире и спокойствии.

– Нельзя жить в мире и спокойствии, когда с тобой поступают несправедливо!

– Эх, молодой человек, если бы вы знали, с каким количеством людей поступают несправедливо! если б вы знали, – донеслось со стороны.

– Если б вы знали, какие у меня в своё время были женщины!.. Если б вы знали... Но все они, к сожалению, умерли, – влез в разговор седой старичок, слушавший некоторое время через слуховой аппарат.

– Я... дойду до суда! – выкрикнул Кирилл.

– С ума сошли?! Это ж... Вечный суд!

– Какие были женщины!.. – вздохнул старичок.

– Вы что, меня больше не слушаете?.. – очнулся музыкант.

– И что? Что! В цивилизованном мире все спорные вопросы должен решать суд, пусть даже и Вечный!.. Я ещё и вас вместе с собой отсюда вытащу! – не унимался Кирилл.

– Ты что?! Мы не хотим! Нам и здесь хорошо, – засопровтивлялись присутствующие. – Чего вы с ним разговариваете? Не видите, – сумасшедший!.. У нас, если с человеком начинаешь разговаривать, он вскоре твоё сознание, а потом и всего тебя начинает считать зоной своих интересов, несмотря на то что всё здесь, конечно, общее. Нагими, как говорится, приходим, нагими уходим.

– Не хочу я никуда уходить! У меня развод, завтра! Вы не представляете, что будет с женой, если не приду!.. что она вообще обо мне подумает...

Но все уже отступили, и Каркушин остался один.

На окраине парка шёл другой спор.

– У меня есть допуск! Есть! – доказывал незнакомец высокой фигуре в капюшоне. Фигура скорее напоминает недвижимое изваяние, плащ её не то уходит в землю, не то сливается с землей.

– Стоять! – рявкнула фигура.

– Да на, смотри, вот документы! Вот... На них ничего не написано, да. О чем это говорит? О том, что на них может быть написано всё что угодно!.. Что это значит? Значит, я могу ходить, куда угодно и когда угодно!..

– Стоять! – гулко пробасила фигура в капюшоне. – Шляются тут всякие.

– Ах, так! Хорошо... «Всякие»?.. Ещё посмотрим кто тут «всякие»... – ретируясь, пригрозил незнакомец. – Я тебя уберу отсюда! Упеку! Уволю! Будешь знать, с кем связываться.

– Допуск! – рывкнула фигура, рывкнула так, что земля задрожала вокруг.

Вскоре затрещали кусты в парке, сквозь ветви выглянул, чуть не вывалился, недавний спорщик.

– Эй, ты, иди сюда!.. Эй, опоздавший, иди же сюда, скорее! – донеслось до слуха Кирилла.

– А этот? – Кирилл с опаской указал на фигуру в капюшоне.

– Они тупые. Они охраняют только земляные дорожки. Это же черви!.. Ну, иди, чего скажу.

Озираясь, Кирилл подошел.

– Ты что ли навел столько шороху, можно сказать, устроил сбой в слаженной работе всей Канцелярии? Давай знакомиться! Я – отлученный от дел Небесной Канцелярии, – представился незнакомец.

– Какого шороху? Кто навёл?

– Нечего приbedняться. Ты. Точно ты! Дай-ка рассмотрю поближе. Хорош!.. Я хоть и отлученный от дел, всё равно числюсь прикомандированным в Канцелярии. У нас ведь

как? даже если отлучают, всё равно находят место и пристраивают. Мимо меня ничто не проскочит. К чему это я? Хочешь выбраться отсюда?

– Как? Реку что ли эту переплыть?

– Ты что?! Это океан Разума! Его переплыть невозможно. На нём иногда бывают такие штормы, когда кто-то пытается добраться до глубин!.. В общем, никому не позавидуешь. Лучше и не пытаться.

– Мне показалось – река.

– Всем поначалу так кажется.

– Как же тогда?

– С помощью Канцелярии! Хочешь, передам им твою жалобу?.. Я когда услышал твой митинг протеста, увидел заложенный в тебе потенциал, смекнул, что к чему. И повод имеется: они не имели права тебя забирать, раз вовремя не забрали!..

– Не имели!.. – возмутился Кирилл и насторожился: Что значит «вовремя»?

– Так, к слову, не принимай близко к сердцу. Не будь меня, с тобой никто и разговаривать бы не стал! А так – они ещё не успели опомниться после случившегося, мы им новый удар!

– Но говорят, суды здесь вечные, – сказал Кирилл.

– Это там вечные, а здесь, при моем участии, ещё не совсем вечные.

– Но нас уже собираются отсюда депортировать, послать,

как говорят, дальше по этапу. Какая несправедливость!

– Раз есть жалоба, Канцелярия обязана будет её рассмотреть, раз уж ты обратился ко мне. Только потом не забывай, кому обязан!

– Ну, что вы?.. Кстати, а где мой ангел-хранитель? Я что-то слышал...

– Ушёл. Наверняка, до самого конца ждал. Тебе он больше не нужен.

– То есть как это не нужен?! Можно хотя бы с ним встретиться?..

– Они никогда не встречаются. Они стесняются. Да и нет его больше здесь. Я теперь твой ангел-хранитель. Ха!.. Вот и занятие себе нашел! Ну, что, будем подавать жалобу?

– Будем! Согласен!.. Передавайте от меня жалобу в Небесную Канцелярию на...

– На Небесную Канцелярию! – потирая руки, ухмыльнулся отлученный от дел.

7

Лифт Канцелярии поднимал его куда-то вверх. Находясь в темноте, Кирилл слушал гулкую работу скрипучих механизмов. Редкие всполохи освещали наряжённое ожидание. Подъем длился довольно долго, хотя особнячок со стороны выглядел двухэтажным. Кирилл даже забеспокоился, не пробил ли лифт крышу и не несется ли куда-нибудь ввысь, в космос и, возможно, скоро упадет. Закралась даже мысль, что

его здесь специально изолировали, заманили и изолировали, чтоб никогда с ним не связываться, и теперь единственная связь с миром – эти звуки и редкие вспышки света, которых скоро тоже, возможно, не будет. Так глупо попасться на обещание! Знал же, обещают тем, кому трудно, чтоб забрать последнее и заманить в ловушку. Нет, снова попался. Кирилл был готов запаниковать, но двери лифта распахнулись, и в глаза ударил яркий неземной свет.

– Сам поражаюсь, как оперативно сработали, – встречая гостя, смутился отлученный от дел. – Не забыл, что обещал?..

– Нет.

– Постой пока здесь, пойду, доложу.

В коридоре в глубокой задумчивости стояло несколько сотрудников Небесной Канцелярии в таких же одеждах, что и у отлученного. Но на одеждах этих сотрудников уже имелись знаки отличия в виде звездочек, небесных звезд.

– Да... вот и я, – пытаюсь справиться с волнением, выдохнул Кирилл в сторону ближайшего чиновника. – Так значит, вы выслеживаете людей, как мы на рыбалке ловим рыбу, вытаскивая ее из привычной среды? и помещая их, так сказать, сюда. Так значит, вы так же охотились за мной?!

– Может, и так, – не совсем охотно отозвался незнакомец, глаза чиновника на миг растерялись, потом встали на место: – Но, заметьте, перед тем как вытащить рыбу, вы не знаете, что у вас на крючке. Не всякая рыба подплывет к крюч-

ку, лишь та, которая уже не может не подплыть. Большинство рыб предпочитают собирать червячков на дне, а других так и тянет к крючку или к какой другой блестящей наживке, чтобы потом перейти в новое качество.

– Сковородку вы называете новым качеством?

Молчание. И никакой реакции.

– Интересно узнать, что вы используете в качестве крючка? И что это за наживка, на которую я мог клюнуть?

– Эээ... это наши... рыбацкие хитрости... То есть, не совсем рыбацкие... Кхе... – чиновник крякнул и сделался серьезным, можно сказать, непроницаемым.

Прозвенел звонок, приглашая всех в зал Заседаний.

– Уважаемое Высокое Собрание, в адрес нашей Канцелярии поступила жалоба эээ... некоего Каркушина. Этот тип утверждает, что по вине нашей Канцелярии с ним поступили несправедливо, в результате поломали его судьбу. Такого в истории Канцелярии ещё не было!.. Впрочем, давайте предоставим слово истцу.

– Уважаемое Высокое Собрание! Я, можно сказать, родился... пришел в мир с чистыми светлыми намерениями... и побуждениями. С самыми чистыми... верите?.. У меня родители... друзья, подруги... закончил школу... влюбился... в свою будущую жену... – сильно волнуясь, стал излагать факты Каркушин.

– Понятно. Вы, можно сказать, среднестатистический

земной человек, ничем от других особенно не отличающийся.

Каркушину сделалось обидно.

– Я хотел в этой... той... в своей жизни многого добиться! У меня не было настоящего, но было будущее! И вы меня, можно сказать, этого будущего лишили.

– И правильно сделали!.. Ваши амбиции – ветер! А нужны ещё и паруса. Они у вас были?

– Я хотел всего добиться сам! Но в нашем неустойчивом мире... трудно...

– А где легко? Давайте ближе к делу!

– Дело в том, что я стал работать, вкалывать, можно сказать, ради семьи и не заметил, когда началась рутина. Меня, можно сказать, затянули быт и рутина. Я долго страдал, что случилось не так, как хотел, что люди, окружавшие меня, так и не стали счастливыми. Досаждать им новыми попытками «осчастливить» было бы смешно. Трудно начать новую жизнь, ещё труднее похоронить старую. И нужно ли хоронить?.. И вот ещё что... как бы это сказать, чтоб не обидеть, возможно, кто из вас браконьерничает?.. сетями ловите... Особенно в последнее время... понятно стало... Да, беда не приходит одна...

– Что он несет?..

– Он же не на исповеди.

– Пусть продолжает! – махнул рукой начальник.

– Да, беда не приходит одна. И я перестал радоваться жиз-

ни. Времени просто не было. Я ведь сначала, когда родился, считал, что все люди хорошие. И сам попытался стать человеком хорошим. Потом обнаружил, многие лишь делают вид, что хорошие, а когда зашатается, даже перестают делать вид. Получив такой опыт, долго не мог понять, как жить дальше. Перестал совершать поступки и жил по привычке. Вы, наверное, и решили, что моя жизнь себя исчерпала.

– Не мы решили. Решили свыше. Давайте ближе к делу!

– Ещё выше?! К делу?.. Хорошо. Я, конечно, не возражаю против привычек и правил, которые устоялись в нашем неустойчивом мире. Более того, заметьте, я даже во всём согласен, – Каркушин заметно разволновался. – Но попрошу ответить лишь на один вопрос: куда девать отрезок моей жизни, который я прожил после момента, когда, по-вашему, я должен был погибнуть?.. Какой закон, какое правило поможет всем объяснить, что произошло?.. – напирал справляющийся с волнением Каркушин. – Я, конечно, ничего не имею плохого в ваш адрес, у всех бывают ошибки...

Начальник Канцелярии заерзал и, опустив взгляд, вздохнул:

– Бывают...

– И эти ошибки надо исправлять! Любые ошибки надо исправлять. По справедливости, – сказал Кирилл. – Так вот, ответьте мне, что делать с тем куском времени, что я прожил после?.. За это время я, можно сказать, подготовил развод, и моя жена сейчас уже ждет, знает, что я должен прийти! Как

ей теперь всё это объяснить? Вы?.. если я нахожусь здесь, а должен быть там... более того, по вашей версии, уже девять дней должен был находиться здесь. Тогда этого отрезка моей жизни вообще не должно было быть. А он – был! Куда его девать? Я жил, общался с людьми, своим поведением, можно сказать, внес изменения в их судьбы, а, может, и в судьбу целого мира. Такого нельзя не замечать!.. Можно, конечно, забрать и жену и всех остальных, кто меня видел, с кем общался те несколько дней, подтереть, зачистить. Не слишком ли велика жертва?.. Не проще ли меня одного... вернуть... И, вообще, – Кирилл сбавил обороты и сменил интонацию: Посмотрите на меня. Я ещё, можно сказать, по-настоящему ничего в своей жизни и не видел!..

– Что бы с человеком не случилось, сколько б он не жил, он все равно будет думать, что ничего ещё в своей жизни не видел, – равнодушно ответил начальник. – Позиция понятна. Дров наломал, конечно, ассистент-практикант. Рано его было ставить на столь ответственный участок.

При упоминании своего имени ассистент-практикант заулыбался.

– Слишком молод, – сообщил начальник. – Не взял ситуацию под контроль. Может и Судьбисты где-то упустили, прописывая судьбу объекта?.. не дописали, отвлекло что-то. Конечно, никто ни в чём не признается. Но наша Канцелярия тем и отличается от других, что мы никого никогда не обвиняем! Мы всех оправдываем. Именно поэтому у вас там

сложилась поговорка: о мёртвом хорошо или никак.

Ноги у Каркушина подкосились.

– Человек, то есть я, должен умирать своей смертью, – прокаркал Кирилл, судорожно глотнул, больше ничего сказать не смог.

По залу прошло недоумение.

– Что значит «своей смертью»?

– Вы и умерли своей смертью.

– Своей смертью – значит, самостоятельно, без помощи других, – пояснил Каркушин.

– Ну, голубчик, так мы с вами договоримся. Где ж это видано, чтоб человек сам захотел, взял, да и умер, как вы говорите, «своей смертью»?

– Во мне ещё столько энергии, – цепляясь за последние аргументы, сообщил Кирилл. – Она, можно сказать, мешала жить, уничтожала всё лучшее, что я пытался сделать... и...

– Это не энергия, сын мой, это... – попытался вставить слово чиновник Канцелярии, но смутился и смолк.

– Но теперь я уже научился её нейтрализовывать, – спохватившись, добавил Каркушин. – Я ведь сначала хотел понять, что к чему, вот и наломал дров. Вы же не выдаете никаких инструкций.

– Что скажет Высокое Собрание?

– Высокое Собрание хотело бы посоветаться.

– Высокое Собрание удаляется на совещание! – объявил начальник.

И все, кто был в помещении, все кроме Каркушина вышли.

– Орел – выпускаем. Плата – нет.

Начальник подбросил монетку.

– Орел.

Вздых разочарования:

– Каркушину повезло.

– И что?.. будем выпускать?

– Придется.

– Надо было вызвать его на какой-нибудь поединок. Скажем, с червями. Теперь чего уж, – проворчал недовольный.

– Цепь случайностей привела к складывающейся ситуации. Случайности превратились в закономерность. То, что Каркушин должен был к нам попасть – закономерность. Но помешала случайность. Тем не менее, он всё равно к нам попал!.. Волнуюсь... Я понятно объясняю?.. – выдохнул начальник.

– Понятно!.. Понятно! – активно, даже слишком активно, закивали чиновники.

– Иными словами, что посеешь, то и пожнёшь. И если Каркушин не изменит свой характер и своё поведение, – продолжил свою речь начальник, – казалось бы, разные случайности вновь приведут к исходной ситуации. Так что нам недолго ждать. Он всё равно опять скоро к нам вернётся! Этот жребий ничего не решает. Как говорится: «И волки сы-

ты, и овцы целы».

– Но свиток с судьбой уже сдан в архив. Архивариус разворчится, Судьбисты заартачатся, ничего не захотят дописывать. Скажут, много других проектов.

– Возможно, Судьбисты сами и налажали, – усмехнулись сбоку. – Вместе с Каркушиным было ещё несколько отказников, те, кто пережил клиническую смерть.

– Видите. Сделаем вид, что ничего не случилось, и тихо вернем его обратно. Те же вернулись!.. Бывают случаи, когда, как говорится, человек приказал долго жить.

– Бабушка надвое сказала.

– И постарайтесь с ним поласковее что ли. Напоследок. Как бы ещё чего... не натворил.

И вновь прозвенел звонок в зале заседаний.

– Волей случая проявление Высших сил оказалось к вам благосклонно! – торжественно провозгласил начальник в сторону Каркушина. – Но вам ставится одно условие: вы ничего не видели, ничего не слышали.

Каркушин закивал:

– Нем как рыба.

– В общем, вас здесь не было. Нарушите условие, автоматически вернетесь обратно. Согласны?

– Согласен! Во всем согласен! Как на духу.

– И ещё, – смущаясь, добавил начальник. – Раз уж так, постарайтесь жить в гармонии с миром что ли. Даже Судь-

бисты жалуются от всей этой вашей непредсказуемости.

– Хорошо. Постараюсь жить как все, – обреченно кивнул Кирилл.

– И когда встанет выбор между хорошим и не очень, не принимайте поспешных решений.

– Не буду, – заверил Кирилл.

– Этот выбор будет приближать или удалять вас от встречи с нами. Там уж сами решайте. Что ж, будем готовить к депортации?.. – заключил начальник.

8

Перед депортацией, полагаясь на обет молчания, сотрудники Канцелярии, расслабились, устроили Каркушину небольшую экскурсию.

На сцене одного из залов Кирилл увидел группу женщин, под руководством чиновника. Репетировали песню.

Каждому что-то хочется,

Каждому что-то хочется,

И каждое одиночество

Тайны имеет свои.

Давайте проявим творчество,

Пусть каждое одиночество

Имеет большие тайны

Каждые на двоих.

– Судьбисты работают с фантомами своих агентов, – пояснил сопровождающий. – У вас про таких женщин говорят, они от бога.

– Любопытно, – улыбнулся Кирилл.

Жизнь – это вещь не праздная,
В жизни бывает разное,
В жизни бывает разное,
Не прячьте же тайны свои.
Давайте же жить, доверяя другим,
Давайте же жить, доверяя другим,
Мысли свои поверяя,
Тайны делить на двоих.¹

После исполнения песни Судьбист поморщился, стал репетировать с каждым фантомом отдельно, для удобства поставил портреты мужчин.

– Жизнь – это вещь не праздная, – пропела одна из женщин.

Судьбист поморщился

– Не так! Ни в одну ноту, то есть ни в одного мужчину ты не попала. Соберись! Посмотри на них повнимательнее. Сначала несколько, чтоб определить твой диапазон. Кто из них больше нравится? Этот? Нет. Нет?! Этот?! Ну, хорошо, давай споём для этого монстра.

¹ песня автора

– Жизнь – это вещь не праздная, – пропела женщина.

– Разве твоя интонация сможет такого убедить? – расстроился Судьбист. – Давай ещё раз! Хотя нет! Давай, попробуй ты, – обратился Судьбист к другой женщине.

– Тайны делить на двоих, – выдохнула женщина и томно посмотрела на репетитора. – Ну, как?

– Чудовищно! – упав в кресло, исторг Судьбист.

– Кстати, когда с ними здесь работают, реальные женщины там иногда... как бы лучше сказать... в общем, вы это называете непонятной женской логикой. – сообщил сопровождающий.

– Да?! Как интересно! – удивился Кирилл.

– Интересно?! Пока готовят депортацию, мы могли кое-что ещё показать. Помните об условии?

– Да, конечно. Кстати, здесь нет моей жены? А то мне её логика в последнее время не совсем понятна.

– Не уверен. Пойдемте отсюда скорее!.. – сказал сопровождающий, вытолкав Кирилла в другое помещение.

В помещении с надписью «аппаратная» маленький лысый толстячок, тоже Судьбист, возился с проводами у спинок кроватей. В спинках – мониторы, транслирующие сновидения. На кроватях – фантомы, опутанные проводами.

– Опять провода запутались!.. – пожаловался толстячок.

В сердцах он отбросил провода, те заискрились, мониторы

неожиданно включились. Тени с экранов, заиграли на лице Кирилла, взбудоражив воображение. А поскольку необычнее того, что происходило на экранах, представить было невозможно, воображение Каркушина заработало в обратную сторону.

Подошли к кровати с женщиной бальзаковского возраста, на мониторе та пыталась соблазнить нашего толстячка. На мгновение увиденное польстило Судьбисту. Он даже забыл про присутствующих. Потом сконфузился, стал оттеснять гостей в сторону, не переставая косить глазами в монитор, где женщина проявляла всё большую активность. И тут Кирилл увидел, что толстячок на мониторе тоже косит глазами.

– Что она делает... – растерялся толстячок в аппаратной. – Я ж ей показывал совершенно другой объект.

– У этой женщины будут серьезные проблемы, – вздохнул спутник Кирилла.

– Думаете? – растерялся Судьбист.

– Может и не найти необходимый объект.

– Я ей показывал, кого искать, она даже смотреть не захотела, – попытался оправдаться Судьбист, взмахнув над лысиной фотографией идеального мужчины.

– Кто поймёт этих женщин?.. – вздохнул чиновник Канцелярии.

– Это не женщины, это фантомы.

– Не вижу разницы.

Каркушина вывели в коридор, повели к веранде, откуда, по всей видимости, и предстояло депортироваться.

Любопытные лица сотрудников Канцелярии выглядывали из дверей, буквально пожирая глазами счастливого. Во взглядах чиновников трепет и восторг, несмотря на то что и ситуацию, и героя они создали сами. Казалось, начини сейчас Каркушин советы давать, будут прислушиваться к каждому его совету.

На веранде природа порадовала буйством красок, воздух одарил озоном.

– Скоро опять очутитесь там, на своем месте, – улыбнулся сопровождающий и указал вдаль. – Очень не хочется с вами прощаться!

– Приезжайте в гости! – ответил Кирилл.

– Как это в гости?

– Ну, хотите, не в гости. Могу сдать вашим сотрудникам дачу в пригороде. Поживете немного. Час на электричке, и вы в центре.

– Как это «сдать»?

– Просто. За деньги. Как все делают. Я ж обещал начать жить как все.

– Нам?.. то есть мне? – растерялся чиновник.

– Да, и что?..

– Да, но... надо подумать... У нас же нет ваших денег?

– У меня их тоже нет. Заработаете! С вашими-то возможностями!.. Да с моими-то связями, то есть... со связью со мной.

Принесли одежду, в которой Каркушину предстояло депортироваться.

– Странная картина явилась мне во сне, – разоблачаюсь от торжественных одежд, рассеянно произнёс начальник Канцелярии своему секретарю; на стене тут же включился экран, транслирующий сновидение. – Огромные рога. Огромные увесистые рога. Обрати внимание, прямо не рога, а лес какой-то, так они разрослись, ещё и продолжают расти. И вдруг, по мере роста, рога стали мякнуть, разжигаться и превращаться в... обыкновенный человеческий мозг! И лишь множество извилин напоминают о том, чем этот мозг когда-то являлся. Они упрямы. Жизнь, как правило, даёт предостережения в качестве образов, один раз и на все случаи жизни. Их задача разобраться и выбрать. Они же в порывах своих упрямых страстей не видят ничего вокруг!

– Они ленивы, – скромно вздохнул секретарь. – Из множества предостережений и знаков не хотят выбирать. Хотят, чтобы на каждый конкретный случай было конкретное предостережение.

– Так не бывает. Во всем должен быть выбор. Беда. А нам после этого расхлебывай, – начальник Канцелярии со-

крушенно вздохнул и подошел к окну.

Облачение Каркушина заканчивалось.

– Ботинок из вашего времени наразу не нашлось, – как бы извиняясь, сообщил чиновник Канцелярии и протянул ботинки с длинными носами. – Модель из эпохи Возрождения. Ничего?

– Ничего, сойдет, – снисходительно махнул рукой Каркушин. – Я как худая модель. Подходят разные модели одежды. Только вот жизнь, выступая в качестве модельера, не всегда преподносит лучшие из одежд.

– Преподнесет ещё! – ласково улыбнулся чиновник, неожиданно оскалился и добавил: Да и ещё... Раз уж аварии не случилось, то есть... раз вы останетесь живы... придется вам выбить пару зубов что ли?.. Разумный компромисс между двумя сторонами.

– Валяйте!.. – согласился Кирилл.

– И чтоб кровь была. Крови побольше! – осмелел после такого согласия чиновник.

Кирилл рассматривал свою новую рубашку и ничего не ответил.

– В рубашке родился!.. – ласково заметили сбоку.

– Не забыл про взаимную услугу?.. – напомнил отлученный от дел, вынырнув у Каркушина из-за спины.

– Нет, что вы? У меня, повышенное чувство благодарности к тем, кто хоть в чём-то мне помог. Можно сказать, ги-

пертрофированное чувство!.. Из-за этого я очень выборочно принимаю помощь. Только в крайних случаях.

– Будем надеяться, всё пройдет гладко, – погладив рубашку Кирилла, вздохнул отлученный от дел. – И не ходи ты в этот загс больше... во второй раз...

– Почему?..

Ответ Кирилл не услышал. Послышался звук передаваемых по телевизору новостей, шум волн, спуск воды в унитазе, ещё что-то.

– Очень странная картина явилась мне во сне, – повторил начальник Небесной Канцелярии, отойдя от окна, когда операция по депортации завершилась.

Ретранслятор тут же бросился отматывать назад недавно показанную картину сна. Через помехи мозг в ускоренном темпе вновь стал превращаться в увесистые рога. Но начальник промолчал, и повторять рассказ про сон не стал. Через паузу произнес:

– К чему бы это?..

Глава вторая

1

Память, вообще-то, часто откалывает с нами такие штучки, оставляя в сознании лишь фрагменты. Мы просматриваем эти фрагменты, как просматривают книжку в трамвае перед выходом на своей остановке. В зависимости от настроения память тасует эти фрагменты, появляется новая книжка, старую мы уже не помним, и вообще, иногда почти ничего невозможно вспомнить из своей прежней жизни.

Скрипя тросами, поднимавшими тяжелый груз, лифт прибыл на нужный этаж и распахнул двери. Внутри лифта никого не оказалось. Спустя время двери лифта захлопнулись.

И Каркушин распахнул глаза. Он лежал на кровати с разбитым лицом. Потребовалось время, чтобы прийти в себя. Кирилл осмотрелся вокруг, ещё раз осмотрелся. Понимание пришло не сразу. Он жил в этой комнате, когда учился в институте. С тех пор здесь ничего не изменилось. В углу стояли пустые бутылки из-под пива. Они поначалу и смутили. И тут Кирилл обнаружил свою новую одежду:

– Бог мой! Не туда вернули!.. общежитие... время перепутали... Вот тебе и Канцелярия! Небесная. Хорошо хоть, не в утробу... Почему бы ещё раз не прожить этот отрезок жизни?! – Каркушин улыбнулся и сморщился от боли. – Как

зубы болят, и нос разбит, – он провел рукой по лицу, ещё больше размазав кровь.

Он попал в другое время, совсем другое, время своей молодости. Не было тогда ни компьютеров, ни мобильных телефонов, ни интернета, обычных телефонов тоже почти не было. Президентом страны был мало кому известный теперь Михаил Горбачев, и у страны той уже начинались серьезные проблемы.

Что мы ещё знаем про тот период? Тогда существовало пять континентов, 4 океана, около 200 стран, точнее сказать сложно, и одну шестую часть суши занимала страна под названием СССР. Да, было такое! И страна такая была! И туда, во вторую половину 20 века, по ошибке и вернули нашего героя.

Шатаясь, придерживаясь о стенку, Каркушин вышел в коридор общежития и направился к умывальнику. И столкнулся со своей женой, то есть со своей будущей женой.

– А ты чего здесь?! – от неожиданности растерялась Аня. – Ты ж должен был уехать.

– Ты тоже... здесь? – удивился в свою очередь Кирилл.

– Просили помочь абитуре. Чего на каникулы не уехал? Что у тебя с лицом? Опять подрался?..

– Споткнулся. На ровном месте.

– Знаешь, ты ко мне сегодня не приходи. Дел по горло и вообще.

– У меня тоже, – махнул рукой Кирилл, но не удержался и

провел рукой по «интересному» месту девушки. И получил пощечину.

«Так, значит, у меня ничего с ней ещё не было, – лицо Каркушина расплылось в загадочной улыбке и тут же сделалось серьезным: Зачем тогда на ней жениться? Все равно потом придется разводиться. Хотя нет, нельзя упускать такой интересный момент!»

– Как твоя фамилия?

– Гребцова, – удивилась девушка.

«Точно, не было!»

– А зовут, значит, Аня?

– Да. Что с тобой?

– И вообще, – скрывая смущение, добавил Кирилл. – Не намерен вести больше никаких разговоров. Сколько можно? На разговоры теперь больше нет времени, время – деньги.

– О, ты в джинсах! Где достал? И ботинки – супер! Очень неожиданная модель! Из-за границы?

– Ну, в общем-то... Последний писк моды!..

– Суперррр! Какие остроносые!

– Нравится?

– Да!

– Может, тогда... сходим сегодня вечером куда-нибудь, скажем, в ресторан, раз получилось так, что я уже при параде?..

– Кирилл, я тебя не узнаю! Какой-то другой, странный. Повзрослел что ли? Или помудрел. И вообще, откуда у тебя

деньги на ресторан?

– У меня должны быть некоторые сбережения, в комнате. Их надо скорее потратить, пока...

Кирилл хотел сказать, что деньги надо скорее потратить, собрать всё, что есть в комнате и потратить, и все Анины деньги тоже собрать и тоже потратить, даже если она будет сопротивляться. Пока не наступила инфляция, и не произошел обмен денег, надо всё срочно потратить, иначе деньги вообще пропадут. Но вовремя сообразил, что Ане лучше об этом не знать. Потом сообразил, что деньги, которые у него тогда пропали, пропали, скорее всего, не от инфляции, а от того, что он их сейчас вместе с Аней потратит. Как всё сложно! У Кирилла голова пошла кругом.

– Что значит «пока»?.. Что в этот раз ударило в голову?.. Не передумал?!..

– Все нормально. Ну что, гульнем?!

– Если честно, ты даже явился вовремя. Встретимся вечером! Я изменю планы.

2

Советник, долго претендовавший на повышение и, наконец-то, получивший особые полномочия, и ассистент-практикант, положенный ему теперь по статусу, предстали перед начальником Небесной Канцелярии. Советник ещё не привык к новым полномочиям, потому бережно и внимательно к ним относился. Непривычно было видеть рядом с собой ас-

систента, того самого, что, по словам начальника, «налажал» с Каркушиным. Занималось утро. Все выглядели невыспавшимися и хмурыми, все, кроме ассистента. Данный факт тоже не нравился советнику.

– Судьбисты говорят, никак не смогли обнаружить. Нигде не засветился. Никаких следов. Неконтролируемая личность, – выдохнул начальник Канцелярии и застыл с катастрофической растерянностью.

– Некрещеный, наверное, потому и сбои, – смиренно вздохнул советник.

– И что теперь?! Не так часто мы посылаем людей обратно. Может даже впервые. И на старуху бывает проруха. В общем, вам придаются особые полномочия. Нужно во что бы то ни стало найти его и доставить на место, откуда он попал к нам. И проследите, чтобы всё прошло как надо.

– А как надо? – поинтересовался ассистент.

– Я тебе потом объясню, – одернул советник.

Советнику не нравилась улыбка на лице ассистента. Казалось, эта улыбка оскорбляет не только его, советника, должность, но даже самого начальника Канцелярии. Покривлявшись, советник, как бы в оправдание своей непричастности, произнёс:

– Такое ощущение, смеется над старшими по должности, то есть над присутствующими.

– Улыбка сойдет с его лица, когда он всё познает, – грустно улыбнулся начальник. – А пока она будет его постоянным

спутником. Не случайно там, куда вы направляетесь, говорят, смех без причины признак... того, что человек многое ещё не знает. Уж, не подведите!.. Присядем перед дорожкой.

Сели.

– Не надо бы вас туда отправлять, – вздохнул начальник. – Создается прецедент. Возникнут соблазны. Но – делать нечего. Как бы он не наломал дров там, где его вообще не должно быть. Какое тогда всему будет оправдание?! Надо торопиться!..

Встали.

– И это... – задержал напоследок начальник. – Постарайтесь, как бы... без шума...

Особнячок Небесной Канцелярии стоял на возвышенности у опушки леса. В низменности висел туман, напоминающий облака. Может, это и были облака, взгрустнувшие и опустившиеся вниз. Построен особнячок был в стиле постмодернизма. Точнее, он начал строиться давно и строился долго, потому в нём перемешалось множество стилей, но сейчас такой стиль назвали бы постмодернистским. Светало. Пахло свежестью ароматов реки и леса. Свистели птицы.

Зевая и поеживаясь, начальник Канцелярии со своим окружением вышел во двор к машине.

– Сколько уж она не ездила? – кивнул начальник в сторону машины.

– Давно уж!.. Поди, с самого потопа.

– Ну, ты загнул, с потопа! Это ж не ковчег, а машина.

– Я, наверное, чего-то перепутал. Ма-ши-на...

– Где ответственный за работу с этой штуковиной? – поморщился начальник.

– Он это... в Саду... на недельку. Путёвку выпросил.

– В такой момент и на курорт?

– Кто ж знал, что так срочно?

– Все приходится делать самому. Распустились, – проворчал начальник и пояснил отъезжающим: Тут где-то надо написать шесть экземпляров заявок, одинаковых, с указанием места, куда едете, положить их в бардачок. Потом ввести какой-то код. Вон там, кажется, – начальник указал на табличку под прикрепленным сзади пятым колесом.

– А что за код? – поинтересовался один из чиновников, почти с головой закутанный от предрассветного холода в плед.

– Код?.. Какой хотите! Кажется, персональный. Там разве ничего не написано?

– Есть какие-то цифры на наклейке, – снимая наклейку под колесом, ответил другой чиновник.

– Пусть их и напишут, – махнул рукой начальник, про себя добавил: Странно, они должны были знать этот код.

– Ой, под наклейкой, тоже очертания знаков, – удивился чиновник, заглянув под наклейку. – Других.

– Напишите тогда их! Наверное, от прежней поездки осталось, – отмахнулся начальник, он ничего не понимал в со-

временной технике.

Обновив код ржавым гвоздём, советник с особыми полномочиями и ассистент, сели в автомобиль. Их окружили присутствующие, посчитав каждый своим долгом лично дать последние наставления.

Отлучённый от дел с небольшим рюкзачком за спиной, тенью отделился от особнячка, незаметно подкрался к автомобилю, тихо открыл багажник, спрятался внутрь и так же осторожно закрыл багажник. Если бы даже он совершал свои действия не столь осторожно, его всё равно б никто не заметил. Все были заняты наставлениями.

Советник с особыми полномочиями включил зажигание. Из щелей повалил густой дым, автомобиль затрясло. На отдельных предметах, окружавших авто, произошло выпадение цвета. Наконец, посланники полностью скрылись в облаке дыма и исчезли.

– Сработало!.. – по-детски обрадовался начальник.

Ёлка ещё долго стояла рыжей, пытаясь вернуть себе прежний вид.

3

Автомобиль чихнул, пару раз прокрутил вхолостую и заглох. Потом в кабине чихнул ассистент. А советник с особыми полномочиями, когда дым рассеялся, вытер слезы носовым платком. Автомобиль стоял посреди дремучего леса.

– Куда это мы попали? То есть, в какое время? – осторож-

но осматриваясь, поинтересовался советник.

– Стрелка навигатора – на нуле, – сообщил ассистент.

– Стукни по ней!.. – посоветовал советник.

После удара стрелки приборов скакнули, запрыгали, автомобиль снова чихнул.

– У меня, кажется, насморк, – произнес автомобиль металлическим голосом.

– Машина разговаривает! – удивился советник. – Хотя, конечно. Она же робот!

– Вылазьте! – произнес тот же металлический голос.

– То есть как это вылазьте?..

– Вылазьте! Вы меня раздражаете. Пока не остыну никуда дальше не поеду!

– Но у нас срочное дело!

– У вас всегда срочное дело! Жалуйтесь. Жалуйтесь куда хотите! Хоть в конюшню Канцелярии. Апчхи!.. Даже техосмотр не соизволили провести. Столько времени простояла в конюшне, ноль внимания. Не говоря о страховке. Отправляют непонятно куда.

– Что значит непонятно куда?.. Ты вообще-то отдаешь отчет, с кем разговариваешь?

– Ещё вы ввели чужой код, – перебила машина. – Сами теперь выкручивайтесь!

Пауза. Сотрудники Канцелярии недоумённо переглянулись.

– Код!?! – рявкнул машина металлическим голосом.

– Час от часу не легче. Может, действительно, вылезем, разомнем ноги? Пусть успокоится, остынет, – растерянно пробормотал советник.

– Как скажете, – улыбнулся ассистент.

4

Кирилл с Аней торжественно вышли из общежития и направились в ресторан.

Студенты тогда ещё продолжали учиться в институтах при кафедрах марксизма-ленинизма, но страна уже давала сбои. В магазинах пропало почти все: холодильники, телевизоры, мыло, стиральный порошок, зубная паста, чай, сахар, конфеты. Вскоре в магазины вообще перестанут ходить, и те временно утратят свое назначение. Потом утратят своё назначение кинотеатры, стадионы, много чего.

Отворив массивную дверь ресторана, Кирилл с Аней осторожно вошли внутрь. На двери висела табличка «Придерживайте дверь», что они в точности и исполнили. Дверь грохнула. Задрожало всё здание.

– Мы её придерживали, а она всё равно, – вздохнул Кирилл.

– Такая дверь, – согласилась вахтерша – Но придерживать всё равно надо.

Женщина сидела под плакатом с головой Ленина и надписью: «Предприятие образцового социалистического обслуживания».

– Придерживать всё равно надо, – повторила вахтерша, отложив вязание. – Таков порядок. Иначе я б с вами разговаривать даже не стала.

– Я у вас заказывал столик, – обрадовался таким приемом Кирилл.

– Паспорта с собой? – спросила вахтерша.

– Здесь что, ресторан или что? – растерялся Кирилл.

– Ресторан, ресторан, – улыбнулась вахтерша. – Дайте-ка я на вас посмотрю. Хорошо, что покупаете вещи на вырост, – сообщила вахтерша, бережно оправив свитер Кирилла.

В руках у неё был свитер, похожий на свитер Кирилла.

– Сейчас сюда ещё придут, раз уж дверь хлопнула, – сообщила вахтерша. – Вот и он, наш исполнительный директор, собственной персоной, не заставил себя долго ждать. А это новые посетители, – представила вахтерша Кирилла с Аней.

– Очень хорошо! – потирая руки, улыбнулся исполнительный директор. – Сейчас мы вас проверим.

– Как это «проверим»? – растерялась Кирилл.

– Проведем медосмотр, – уточнил директор.

– Причем здесь ресторан и медосмотр? – забеспокоилась

Аня.

– Чтоб нам после вас посуду не дезинфицировать. По радио передавали, в мире появился смертельно-опасный вирус.

– Это из-за меня, – обреченно уронил голову Кирилл.

– Вы льстите себе, молодой человек. Этот вирус зародился

где-то на просторах Африки и передается только половым путём.

– Точно из-за меня, – ещё тише вздохнул Кирилл. – Из-за сбоя в работе Канцелярии при моем возвращении.

– Насчёт посуды тоже есть подозрения. А дезинфицировать посуду, растворов нет, и с мылом проблемы. Потому такие правила, – заключил исполнительный директор. – А не хотите, не надо. Еды всё равно на всех не хватает.

– Не совсем понятно, зачем так себя вести с посетителями? Мы ж оставляем свои деньги.

– Разве ж это деньги?.. Вот у моей жены, я вам скажу, деньги! А у нас с вами, молодой человек, лишь карманные расходы, – приблизившись к Кириллу, в волнении прошептал исполнительный директор.

Дверь ресторана зловеще проскрипела, и на пороге встал военный патруль.

– Вон он! Хватайте его! – побегав глазами, скомандовал в сторону Каркушина начальник патруля.

Двое солдат схватили Кирилла, завернув ему руки.

– Не выполняем план по призыву на этот год, а вы его здесь укрываете! – с укоризной сказал начальник патруля директору. – Оголяете, можно сказать, тылы страны.

Директор хотел что-то возразить, но Каркушин его опередил.

– Произошла ошибка!.. Я уже служил в армии! – выкрик-

нул он и, побледнев, тихо добавил: В будущем.

– Что?! Чем докажете?

– Вообще-то, после развала страны, когда Украина откололась, мои документы остались там... то есть, может, здесь...

– Что?! – выпучил глаза военный. – Украина откололась?! Не мог придумать ничего более абсурдного! Может, ещё скажешь, и Белоруссия откололась? Или – страшно сказать – и Россия?!

Кирилл сглотнул.

– Могу, – не совсем уверенно подтвердил он. – Весь Советский Союз раскололся... развалился... и... Но я успел отдать свой долг государству! тому государству... то есть, может быть, этому...

Военный после такого смелого заявления от избытка чувств стал краснеть и надуваться. Солдаты разных национальностей тоже застыли в растерянности.

– Вот из-за таких как он... В дурдом захотел?! От армии косишь?! – прохрипел, наконец, военный. – Чего встали, тащите его скорей в машину! Суку такую!

– Но я, честно, служил!.. Сейчас, если пойду в армию, я потеряю всё!.. забуду всё! Четыре года выбросить из жизни... ведь два года... Я ведь уже служил... Эх...

– Как изощренно косит! – восхитился военный. – Не стыдно?

– Можно мне попрощаться с женой?.. то есть с невестой...

то есть со своей будущей женой, с которой я подал на развод... Эх, такой шанс потерял!.. Это здесь дурдом!.. Вы ничего не...

– Попробуй у меня еще каркнуть! – приставив огромный кулак к лицу Каркушина, не то прошипел, не то рывкнул военный.

5

На поляне посреди дремучего леса паслись три лошади. На двух богатыри в полном вооружении – Илья Муромец и Добрыня Никитич. Пешком подошёл Алеша Попович.

– Ну что скажешь, дозорный Попович? – поинтересовался у того Илья Муромец протяжным голосом. – Что головушку повесил?

– Есть тут одна деревушка, Москвой прозывается. По слухам Долгорукий тут избу срубил, когда на Владимир ехал, и мужика, что здесь до него жил, зарубил. А дочку того мужика сыну своему в жёны отдал.

– Опять сплетни собираешь. Короче!

– А до Киева далеко.

– Что скажешь Илья? – поинтересовался Добрыня Никитич. – Может, в гости?

– Некогда засиживаться да лясы точить в этой дыре, когда братья в стольном граде в беде, – решил Илья Муромец, убрав руку от козырька. – Поедем прямо через леса до стольного града Киева, проложим дорожку прямоезжую!

Едва Алеша Попович, сел на лошадь и тронулся, та заржала, встала на дыбы и понесла.

– Чего это она?

– Волков, наверное, почувствовала.

– Волки... Кругом тебе мерещатся одни волки. Ты под копыта-то иногда поглядывай. Попович...

– Тень вроде какая-то мелькнула.

– Зайчонок, наверное...

Всадники скрылись за деревьями. Советник с ассистентом перевели дух.

– Хотел рассмотреть поближе, – в оправдание сказал ассистент.

– Ага. Для этого надо было лезть под копыта лошади. Скажи спасибо, что спас, – проворчал советник.

– Спасибо.

– Без подсказки не мог поблагодарить?.. Пожалуйста... Это ж мы в какое время попали? – задумался советник. – Надо ж, не только его не туда отправили, но и с нами напутали!

– Они всего лишь напутали, а представляете, если бы цифры располагались не по порядку, как бы мы могли тогда считать? – задумался ассистент и, достав блокнот, собирался что-то записывать. – И уж тем более, как бы мы могли, вообще, перемещаться во времени?.. Цифры – это очень важно.

– «Все устроено сообразно числу», – пожал плечами советник. – Но мы всё равно бы умели читать!

– Возможно, но не уверен. Числа они во всём.

– Чуть не попал под лошадь, а размышляет о каких-то числах.

6

Где-то в районе Геленджика, среди виноградников и сопок, у кромки морского берега с выброшенными медузами наматывал свои солдатские километры Каркушин. Марш-броски в полной экипировке. С распределением ему всё же повезло, в то время всё могло сложиться гораздо хуже.

– Быстрее-быстрее, – кричал, сопровождавший их на «Уазике» прапорщик. – Иначе не видать вам границы, как своих ушей. Засуну куда-нибудь в комендантскую роту или в стройбат. Не доверю вам границу охранять. Вся ваша судьба сейчас полностью зависит от меня, как скажу, так и будет!

– Ничего себе, переподготовка. Мне уже по ночам сняться эти марш-броски... снится, что бегу... – усмехнулся бежавший рядом с Кириллом солдат.

– Давай, давайте, орлы! Ещё кружочек, – пытался подбодрить военнослужащих прапорщик.

– Бензин надо экономить, – бросил в сторону прапорщика на машине Каркушин.

– Какой бензин?.. Да ты!.. да я... знаешь!.. – промычал прапорщик и, указав на Каркушина, приказал водителю: – Пристройся к этому умнику поближе.

– И, вообще, что вы там такое говорите? Какую границу? – продолжил Кирилл. – Вы хоть знаете, что скоро со страной

случится?

– Поговори у меня, – пригрозил прапорщик.

– Скоро вообще все границы изменятся. Разворуют страну... – не унимался Кирилл. – Скоро вообще без армий будут приниматься решения об изменениях границ, всё будет решать экономика. Встретились и поделили. Армии будут ставить перед фактом. А вы, товарищ прапорщик, будете жить в нищете.

Реакция на лице прапорщика Майстренко резко изменилась.

– Минимум лет десять, – заключил Кирилл. – Потом вас всё равно не возьмут на работу, потому что вам уже будет старше сорока. Если, конечно, до этого времени не подсуеитесь и тоже что-нибудь не своруете.

«Уазик» с прапорщиком тряхнуло.

Пока новобранцы отдыхали, выжимали, сушили после марш-броска обмундирование. Каркушин продолжал рассуждения.

– Страна катится в пропасть!

– Откуда ты всё знаешь?

– Так просто... догадываюсь...

– Болтун!

– Не будет ни коммунистов, ни империалистов.

– А кто будет?

– Будут люди. Но не сразу.

К Каркушину подошел прапорщик:

– Давай сюда ремень. За мной на гауптвахту шагом марш!

Умник. Я из тебя человека сделаю.

Цементный пол, решетка, каменные стены.

«Прапор» не ушел, затаился за дверью, чувствовалось дышит.

– Все равно я прав, вот увидите!.. Скоро границы вообще упразднят. Сначала объединится Европа, потом... Скоро, товарищ прапорщик вообще всё изменится!.. Инфляция вырастет и всё уничтожит! Рубль будет стоить меньше копейки.

– Это у империалистов инфляция, а у нас... Может, хватит?.. Предсказатель нашелся. Накаркаешь на свою голову. Все твои высказывания, между прочим, уже лежат в особом отделе части, – подал голос прапорщик, договорить не успел, в стороне затарахтел командирский «Уаз».

– Смирна!!! – прапорщик бросился в сторону «Уаза».

– Вольно, – козырнул прибывший капитан. – Здравствуйте, товарищи пограничники!

– Здравия желаю, товарищ капитан!

– Кто из вас Каркушин?.. Каркушин! Младший сержант Каркушин! – позвал капитан.

– Я, – вяло донеслось со стороны гауптвахты.

– Где он? – удивился капитан. – Каркушина – ко мне!

Прапорщик бросился в сторону гауптвахты:

– Сейчас... умник... будет тебе... А ну, бегом марш к товарищу капитану! Ремень, ремень захвати!..

– Ты что ли Каркушин? – поинтересовался капитан.

– Так точно!

– Вот, значит, ты какой. Комсомолец?

Лицо Каркушина выразило нечто между удивлением и возмущением, капитан воспринял реакцию по-своему:

– Молодец! Именно такой реакции от вас и ждал. Подписан приказ о вашем назначении секретарем комсомольской организации погранотряда. У нас в политотделе эта должность называется «инструктор по комсомольской работе».

– А почему его?

– Всего погранотряда?!

– Меня тут недавно спрашивали из политотдела, кто из новичков самый болтливый. Ну, я сдуру и ляпнул. – растерялся прапорщик. – Да вы знаете, товарищ капитан, что он тут сейчас наговорил?!

– Товарищ прапорщик, вы комсомолец? – поинтересовался Каркушин.

– Я? Что?.. Я? – да!..

7

Автомобиль Канцелярии продолжал стоять среди дремучего леса. Где-то в стороне ухали совы. Пару раз над головами посланников прошуршали невидимые крылья, отчего советник присел, а ассистент улыбнулся и поспешил спрятать

улыбку, чтоб советник не принял эту улыбку на свой счет. Получилась гримаса.

Потоптавшись, советник решил открыть багажник машины. Больших усилий отлучённому стоило удержать крышку багажника. Сквозь образовавшуюся щель, он видел напряженное и растерянное лицо советника. Никто не хотел уступить.

– Закрыто! – раздосадовано крикнул советник.

– Здесь тоже какая-то серьезная защита, – сообщил ассистент, открыв в свою очередь капот машины. – Какие-то пломбы. Взламывать будем?

– Взломаете, вообще никуда не уедете, – проворчала машина. – Так уж я устроена.

– Может, не будем её слушать, взломаем? – предложил ассистент.

– Если мы через девять дней не вернемся, через сорок дней превратимся в простых смертных, – задумался советник и побледнел сказанного.

– И что, потом никаких шансов? – поинтересовался ассистент.

– Почему?.. у тебя, может, и будет шанс, один, в тридцать три года, кажется. Лучше бы его не было.

– Шансы всегда есть, – сообщила машина.

– Поговори у меня... Что?! Что ты сказала?

– Шансы всегда есть, – повторила машина. – Выньте из бардачка лицензию и внимательно её прочтите, – добавила

она.

– Ого, какая толстая! Реликт древности! – достав лицензию, удивился советник. – Да тут талмуд целый, а не лицензия.

– Кому может и талмуд, а кому договор о взаимных обязательствах и справочник по управлению. Его необходимо прочитать, – прогремела машина.

– Это ж, сколько времени уйдет на чтение? – задумался советник.

– Мы спешим! – сообщил ассистент.

– Можете сказать и без чтения: принимаете или не принимаете условия договора, – равнодушно отозвалась машина.

– Предположим, не принимаем. У нас сейчас одно условие. Вернуть Каркушина на прежнее место. Иначе, знаешь, что может случиться?..

– Все связи разрушатся! – вставил свое слово ассистент и по привычке улыбнулся.

– А тут какие-то условия. Кому ты выставляешь условия? Да если соблюдать всё, что здесь написано...

– Ваше право. Не принимаете, значит, никуда не едем. Я так устроена!

– Может, я все-таки сорву эти пломбы и покопаюсь! – ещё раз предложил ассистент.

– Я тебе покопаюсь, хакер. Сломаешь что, тогда вообще здесь застрянем. Хватит лыбиться! А если мы принимаем твою лицензию?

– Нужно ответить точно «да» или «нет», – сообщила машина металлическим голосом.

– Ну, да.

– Данный вариант ответа не найден, – холодно констатировала машина.

– Да!.. – рявкнул советник.

– Внимание! Просьба занять всем свои места. Происходит инсталляция. Куда едем шеф?

– Давно бы так! Без пререканий. Вперед!

И машина рванула вперед, подминая под себя стволы вековых деревьев, вставшие на пути.

Вскоре автомобиль уже летел над шоссе. Советник и ассистент сидели на заднем сидении с поцарапанными лицами.

– Мы движемся чуть выше дороги, чтобы не столкнуться с другими объектами, – пояснил советник. – Мы-то их видим, они нас нет. Нужно проявлять осторожность.

– Согласен, – кивнул ассистент, рассматривая дорогу внизу.

– Выбрались!

– Красиво!

– Когда ещё так?! Все стрелки работают! Автоуправление, – сообщил советник.

– Можно я сяду за руль? – попросился ассистент.

– Валяй! – расслабился советник.

Приближался пост ГАИ. Возле обочины скучал гаишник. Ассистент направил машину вниз и сбил у гаишника фуражку. Фуражка поднялась в воздух и улетела. Гаишнику почудилось прошёл полтергейст. Первая приближающаяся машина была обречена стать жертвой. Но случился конфуз. Гаишник не знал, как представиться без фуражки. Наконец, щелкнув пятками, и странным образом подпрыгнув, гаишник клюнул носом и выкрикнул:

– Инспектор Фоломкин!

– И чё?.. – удивился водитель.

– Конь в пальто!.. Вы ехали со сверхзвуковой скоростью, так что у меня даже фуражку с головы сдуло в неизвестном направлении.

– Вы чё?.. трудное детство и все такое? Я когда подъехал, на вашей голове фуражки не было. Разве можно на этой развалюхе развить сверхзвуковую скорость?

Милиционер растерялся, осторожно пошарил взглядом по сторонам, словно в поисках помощи, остановил взгляд на автомобиле.

– Значит, отечественное авто называете развалюхой? – медленно выговорил милиционер и оскалился.

– И чё? Моя машина. Как хочу, так и называю, – сплюнул водитель.

Милиционер ещё раз собрался с мыслями, осторожно посмотрел вверх, туда, где должна была быть фуражка, и вынес окончательный приговор:

– Вы, гражданин, мне мозги не пудрите! Кроме вас за последние десять минут никто здесь не проезжал. Гони фуражку, урод, а то плохо будет!..

Милицейская фуражка, рассекая воздух, неслась над шоссе в сторону города-героя Москвы.

– Дошел по служебной лестнице до должности ассистента, а ведешь себя словно из инкубатора. Не ожидал, – проворчал советник. – Шутить надо с равными или с себе подобными. Иначе не поймут шутку, иначе будет не шутка, а розыгрыш. А разыгрывать не хорошо. Повтори!

– Разыгрывать не хорошо, – повторил ассистент голосом советника, и добавил, глядя на фуражку, своим голосом: Круглая!..

– Чтоб сверху лучше было видно, – со знанием дела пояснил советник, и продолжил нравоучения: Любой поступок, который совершаешь, должен находить поддержку, сочувствие, соучастие со стороны других. Иначе это не поступок, а война какая-то. С подобных, казалось бы, незаметных поступков и начинаются войны.

– Как интересно!

– Что?!

8

По плацу маршировали пограничники в зеленых фуражках.

Каркушин сидел у окна с тетрадкой и ручкой.

Зашел маленький, толстенький, добрый полковник:

– Ну, что, Комсомол, работаем?

Каркушина теперь все называли так – Комсомол.

– Так точно, товарищ начальник политотдела, работаем.

– Поздравляю с присвоением внеочередного воинского звания старший сержант.

– Служу Советскому Союзу!

– Да, и знак отличника второй степени тебе из округа пришел.

– Служу Советскому Союзу!

– Ну-ну. После конференции вручу. Доклад к комсомольской конференции готовишь?

– Да... вот...

– Ты там больше про международное положение, про угрозу империализма, про нерушимость границ. Ну, сам знаешь. Можешь! Потом вместе пройдемся по докладу. Про цитаты не забудь. Ну, готовь, не буду мешать.

Полковник тихо удалился. Каркушин задумался.

«Попал в другое время. Сейчас бы наслаждаться жизнью, используя знания из будущего и свой бесценный жизненный опыт, а тут... Заарканили!..»

Каркушин бросился к двери, посмотрел в коридор, вернулся, позвонил по телефону.

– Прапорщик Майстренко слушает!

– Товарищ прапорщик, вы там сейчас на тумбочке... по-

смотрите, пожалуйста, начальник политотдела уехал?

– Ты уже прапорщиками командовать!.. Ком-со-мол!.. – сделав судорожное движение головой, прапорщик отбросил трубку. – Заберите меня в коммунисты...

Каркушин вновь набрал номер телефона, холодно выговорил:

– Товарищ прапорщик, а почему вы меня называете на «ты»?

На другом конце провода пробубнили что-то невнятное и снова бросили трубку.

«Заперли! Обложили. Всё равно убегу, – задумался Кирилл. – раз в мире всё так неустойчиво. Может, я и есть главный нарушитель, нарушивший все границы времени и пространства. Лишь стремлюсь исправить ошибку, вернуть нарушителя, то есть себя, в нужное место. Ну, может, не сразу в нужное. Сначала хотя б в общежитие, к Ане. Им этого не понять. Попадусь – «губа», лишение должности, всех воинских званий. Сгноят!.. На всякий случай надо придумать легенду. Не настоящую, в настоящую всё равно никто не поверит. Такую, чтоб... эх!.. Я им ещё покажу»...

На плацу строились солдаты, чтобы маршировать в столовую.

Каркушин, развивая ход своих мыслей, прошёл мимо, держа курс на офицерскую столовую. Как будущий химик он понимал, поговорка «сытое брюхо к учению глухо» не со-

всем верна. Многое в организме зависит от химических реакций, а химические реакции как раз и обеспечивает пища.

– Сержант, стройте и ведите! – бросил прапорщик Майстренко в сторону одного из сержантов, сам бросился вслед за Каркушиным, вырос у дверей офицерской столовой, прямо перед носом Кирилла.

– Почему честь не отдаете старшему по званию, товарищ сержант? Почему не встаете в строй и вместе со всеми не едите в солдатской столовой?! – прохрипел прапорщик. – Вам что особое приглашение нужно?.. Или у вас особые привилегии?

– Старший сержант. Уже старший сержант, новые погоны просто не успел пришить. Скоро ещё могут повесить. По должности положено. А почему не с солдатами?.. Им в пищу бром сыплют, чтобы у них было меньше... активности. А мне сейчас очень нужна активность, во время подготовки к комсомольской конференции. Все мысли, можно сказать, только о ней... о конференции, о докладе. Между прочим, распоряжение самого начальника политотдела, – отстраняя прапорщика в сторону, сообщил Кирилл и прошел в дверь офицерской столовой.

– Я тебе устрою активность!.. Я тебе такую активность устрою!.. – насыпая в тарелку с борщом изрядную порцию брома, пробормотал прапорщик. – Эй, боец, иди сюда! Эту порцию передашь Каркушину. Вон там, в очереди стоит. По-

нял?

– Так точно.

– Ничего не перепутаешь?

– Никак нет, – отрапортовал повар на раздаче и бережно отставил порцию в сторону.

– Смотри у меня! Прослежу!

Прапорщик Майстренко вышел с кухни и с довольным видом зашёл со стороны офицерской столовой. От двери проследил за Каркушиным, получающим еду. Сам встал за своей порцией. Солдат подал ему отставленную порцию и почему-то подмигнул одним глазом. Прапорщик тоже самодовольно подмигнул.

Выйдя из офицерской столовой, Кирилл осмотрелся, убедившись, что слежки нет, быстро пересек плац в сторону бани.

Перед входом в баню – большой кряж. Рядом очередь из новобранцев. На кряж бросают одежду, в которой приехали с гражданки. Задается стандартный вопрос: «Домой отправлять будем?». Звучит стандартный ответ: «Нет». И топор ефрейтора опускается на одежду. Кое-что рубится, кое-что незаметно откладывается в сторону.

– Скоро «дембель» – усмехнулся ефрейтор, кивнув Кириллу в сторону одежды.

Кирилл посмотрел на отобранную одежду. Очень уж ему понравились одни джинсы. Ефрейтор по неосторожности за-

дел по ним лезвием топора в районе колена.

– Дырка, – указал на штаны Кирилл, когда ефрейтор отложил топор.

– Жаль, – расстроился ефрейтор. – Тут прапор с коптерщиком крутились. Ну, я и сделал вид, что рублю. Эх...

Каркушин взял джинсы в руки, задумался.

9

– В Москве не оказалось. В Киеве тоже, – проворчал советник, сканируя Локатором казармы пограничников.

– Зато я узнал, что Илья Муромец доехал-таки до Киева. Его мощи сейчас лежат в нижних пещерах Лавры. По последним данным на его место приехал этот... Черно... Черномыр...дин... Черномор что ли?

– Чего-то путаешь. Черное море здесь. – проворчал советник. – На побережье Черного моря, видишь ли, забросило. Проискали б, не сообрази вовремя заземлиться. Боюсь прихватить ещё кого, – задумался советник, разглядывая через Локатор казармы. – Сейчас не забыл заземлиться?

– Не забыл, – мотнул головой ассистент, посмотрел вниз, на землю, и рассмеялся.

– Опять масло течет, – проворчала машина сконфуженным голосом.

Часовой на КПП с недоумением поднял взгляд вверх, вытер очередную каплю машинного масла со своей щеки.

– Будем вводить данные вручную. Так надежнее, – заклю-

чил советник. – Сначала дождемся темноты.

Когда солдаты уснули, советник и ассистент осторожно подкрались к казарме, бесшумно скользнули за дверь и на цыпочках пошли по коридору. Вдоль стен стояли шеренги сапог, обвязанные портянками, в стороне дремал дневальный.

Ассистента насторожили пустые глазницы сапог, стал нюхать, принюхиваться.

– Там никого нет, – прошептал советник, – Простая передача запаха без тел. Для нас сейчас они все видимы. Это нас они не могут видеть. Слышать иногда могут. Если они нас услышат, решат, что полтергейст или галлюцинация. Если они, конечно, не психи. Стой здесь, пойду на разведку.

Советник тихо скрылся за дверью, нашёл кровать Каркушина и вздрогнул. Кровать была пуста. Только что Локатор показывал, что Каркушин спит именно на этой кровати и вдруг – пуста. На всякий случай советник стал осматривать другие кровати. Осмотр не принёс ничего, вернулся к пустой кровати. Тут дверь солдатской спальни осторожно открылась, и показался прапорщик Майстренко, на лице прапорщика написано, он собирается сделать пакость.

Советник не заметил появления прапорщика, продолжил осмотр кровати Каркушина. Заглянул под одеяло, под подушку, пощупал матрац. Прапорщик присел, лицо его вытянулось, глаза округлились. Наконец, прапорщик схватился

за голову и замычал.

Советник бросился к двери, распахнул дверь и, схватив ассистента, крикнул:

– Бежим отсюда, на всякий случай.

Ассистент уже успел примерить солдатский сапог, натягивал второй, пытался понять, в чём их удобство.

После летания в воздухе одеяла с подушкой, скрипа кровати в отсутствии человека, самостоятельно распахнувшейся двери, и убегающих по коридору казармы пустых сапог, прапорщик Майстренко окончательно потерял дар речи.

На следующее утро прапорщик Майстренко стоял посреди казармы и наливал солдатам самогон. У окна с биноклем расположился солдат на шухере. Другой солдат «отбивал» деревянными досочками кровать Каркушина, наводил на ней стрелки.

– Пока там смотрят кино, мы с вами договоримся и всё решим, – бормотал прапорщик. – «Комсомол» в одних сапогах, то есть одни сапоги без «комсомола», в общем, «комсомол» исчез вместе с сапогами.

– Сапоги мои, – сообщил один из солдат.

– Значит, и сапоги ещё с собой чужие прихватил. В общем, вы ничего не видели, ничего не слышали. Я ему ничего в пищу не сыпал. Надо же, как бром в больших дозах действует!.. А сапоги я тебе новые выдам. Яловые!

– Ну, если яловые...

Солдаты как один поддакивали и подставляли стаканы. И чем чаще поддакивали, тем чаще подставляли стаканы.

– Может, обойдется? – вздохнул, наконец, прапорщик и перекрестился, в глазах его засветилась надежда. – Вот и закусочка с огорода, без... этого самого... химикатов. Не стесняйтесь. Точно говорю, никакой химии. Когда ещё так придется...

– Родственники шум поднимут. Тогда что? – сочувствовали подкупленные едой солдаты.

– Родственники? Да вы берите, берите. Кушайте. Для дезинфекции.

– Не признаваться же, что пропал?

– Он не пропал. Он убёг. Может, ещё объявится... где-нибудь...

– В таком виде? То есть... Ууу...

– Да, товарищ прапорщик, если узнают, светит вам... по последнее число...

Прапорщик побледнел и снова потерял дар речи.

– А, может, лучше признаться, что пропал без вести смертью храбрых? а там хоть трава не расти.

– Комсомольская конференция отменяется!

– Ура!

– Ура!!! – разнеслось по всему залу.

На экране Чапаев-Бабочкин с войском шёл в атаку. Мелькнули две спаренные точки в правом верхнем углу

экрана, мелькнули ещё раз, словно кто-то пытался пробиться из другого времени или мира, и экран погас. Киномеханик бросился заряжать следующую часть.

Киноустановка стояла посреди зала солдатской столовой и была одна. Потому после окончания каждой части повисала пауза, будто затишье перед очередной атакой.

В углу солдаты чистили картошку.

– Атака опять на том же месте захлебнулась.

– Который раз уже смотрим?

– Раз восемь или девять.

– Эх, нам бы сюда Анку.

– Мы что его упустили? – осторожно поинтересовался ассистент. – Его что, там не было?.. Может, стоит связаться с Канцелярией, попросить поддержки?

– Ты что?! – вспыхнул советник. – Сами справимся. И чего я испугался этого болвана?.. Ты даже не предупредил о его появлении! Ассистент называется.

– Вы же сказали – ждать?

– А сапоги тогда тут причем?.. «Подкрепление»... Где тут что нажимается? Необходимо стереть всё, что связано здесь с присутствием Каркушина. Чтобы духу его здесь не было!

– Кого не было? Комсомола? – переспросил ассистент.

– Что?

– Его тут ещё называют «комсомол».

– Ну, и «комсомол» стереть, на всякий случай.

– Вот эта программа. Её надо активировать.

– Так действуй!..

В воздухе раздался мощный взрыв. Заискрили провода. В импровизированном кинозале с треском затормозила плёнка, замедляя движения своих героев. Остановившись, плёнка на экране стала плавиться, образуя рваную коричневую дыру. Через дыру пробился яркий свет. Кажется, пробилось еще что-то: не то репортаж с места съёмок фильма «Чапаев», не то Ленин на броневике, не то голос Ельцина с танка.

Часовой на КПП испуганно присел. Так и просидел, застывши, пока рядом не спикировал сапог. Вслед за первым сапогом шлёпнулся второй. По проводам между столбов пробежала искра, всё стихло.

Не успел часовой опомниться, сапоги уже прятал в авоську маленький толстенький старичок, бывший начальник политотдела. Встретившись взглядом с солдатиком, старичок как бы извиняясь, пробормотал:

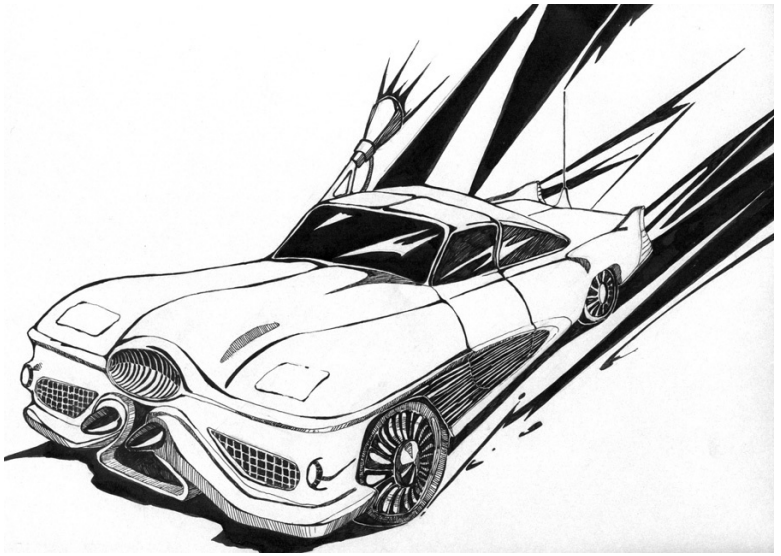
– Доживете до моих годков, узнаете, как чажело жить на одну пенсию. На-ка, внучек, скушай лучше конфетку, – и бывший полковник протянул часовому конфетку-леденец.

Прапорщик Майстренко замер посреди казармы, рядом с солдатами, держащими в руках стаканы с самогоном. Те тоже оцепенели, лишь вращали глазами. Глаза прапорщика

принимали всё более осмысленный вид и одновременно лезли из орбит. Сознание оценивало обстановку и, наконец, заработало на полную катушку.

– О... Е-мое!!! – прорычал, наконец, прапорщик и затих, обнаружив в своей руке такой же стакан с самогоном.

И тут где-то в облаках раздался смех ассистента.

Глава третья

1

Наше сознание выборочно. Очень выборочно. До идиотизма. Более всего оно запоминает то, что им же и рождено. Или присвоено. Или пережито.

Вечерело. К общежитию, расположенном рядом с Лысой горой, пробирался Каркушин. В одежде от призывников. По пути Кирилл нарвал букет васильков. Он любит эти цветы.

Кирилл не был способен оценивать последствия своих поступков, тем более, не был способен с помощью их добиваться для себя выгоды. Он просто всегда шёл к намеченной цели, шёл, когда уже не мог не идти. Сейчас цель – его будущая жена... в прошлом, во времени, куда он попал. Необычная и неожиданная ситуация. Кирилл догадывался о преимуществах ситуации и был готов прожить эту часть жизни ещё раз и по полной.

Перед входом в общежитие несколько ведьмочек в сопровождении студентов-иностранцев. С вахтершей шёл ожесточенный спор.

– Председатель студкома явился! – обрадовались появлению Каркушина иностранцы. – Мы думали, ты на каникулах. Видели, с чемоданом домой поехал, к родителям.

– Нет... просто... проводил экспертизу в армии, – пошутил Кирилл.

Студенты-иностранцы, кажется, приняли шутку всерьез.

– Она говорит, только председатель студкома имеет право дать разрешение на проживание наших родственников ночью, – указав на вахтершу, сообщил один из иностранцев. – Кирилл подпиши.

– Ну, тут она преувеличивает, чтобы не пускать, раз меня нет, – улыбнулся Кирилл. – Давайте заявления! Подпишу.

– Как говорят русские, шакалов бояться – в степь не ходить! – обрадовался студент из Монголии и первым протянул заявление.

– Кирилл, вы что? – ужаснулась вахтерша. – Знаете, что вам потом в ректорате будет?

– Ничего не будет. Скольким людям из-за таких вот дурацких подписей поломали судьбы?..

– Кирилл, что с вами?.. – глотала воздух вахтерша. – Вы должны были уехать на каникулы.

– Пусть живут!.. Перестройка!.. Ведь перестройка же?! – уточнил у вахтёрши Кирилл.

– Да, – растерянно согласилась та.

– Ну вот, – обрадовался Кирилл. – А из-за тебя мне все-таки влетит, – добавил он в сторону студента из Чили. – Даю разрешение на ночь, а она проживет у тебя целый месяц!

– Месяц? Не может быть!

– Мне лучше знать... Пусть живет!..

Поставив подписи, Кирилл устремился наверх, сначала в

лифт, потом большими прыжками преодолев несколько пролетов лестницы, на нужный этаж, постучал в дверь. На счастье Кирилла Аня была в комнате одна.

– Аня... Анечка... Анюточка!!!

– Ой!.. Ты опять в новой одежде? – удивилась Аня. – В отпуск? Отпустили?.. Это что, дырка на колене? Давай зашью.

– Не надо. Потом. Это... последний писк моды!

– Дырка? Очень странный писк.

– Просто надо немного привыкнуть. Всё новое сначала поражает, даже возмущает. Потом привыкаешь, всё становится на свои места и превращается в обыденность.

В дверь постучали. Появилась голова студента из Чили.

– Кирилл, я знал, что ты здесь. Спасибо! Это от меня! – и чилиец протянул бутылку коньяка.

– Взятку не беру! – твердо заявил Кирилл. – Но коньяк кстати. Пригодится. Спасибо.

– Знаешь, Анум с первого курса в дурку попал, – добавил чилиец. – Африканцы ж к русской водке непривычны. Рассказывал, когда мы в гости к нему в дурку ходили, дураки там к нему пристают. Подходят, лапают руками, ржут, думают это он от русской водки почернел. Ну, я пойду. К своей. Ждет.

– Иди, – согласился Кирилл и закрыл дверь на замок.

– Что ты делаешь? Открой сейчас же! – возмутилась Аня.

– Хочешь, чтоб меня снова арестовали... за взятку?

– Что-то ты быстро стал мудрым, – и сменив гнев на ми-

лость: С тобой даже становится интересно.

– Подожди, будет ещё интереснее. Возьми, это тебе, – Кирилл протянул букет васильков.

– Слушай, ты мне никогда цветы не дарил!

– Глупый, наверное, был. И ты повода не давала.

– А сейчас разве дала?

– Сейчас я его сам нашел!

– Ты хоть понимаешь, что значит, когда честная девушка начинает принимать подарки?

– Вообще-то, я многое, наверное, не понимаю. Но многое знаю, о чем даже ты не догадываешься. И не догадаешься!

– И загадочный... коньяк... – прошептала Аня, не отрывая взгляда от цветов. Ей понравился один цветок. Это был её цветок. Да и композиция, которую составил Каркушин, была симпатична. Каждый цветок в этой композиции выигрывал. В том числе и её цветок.

– Надо же отметить моё возвращение. В прошлый раз не успели. Я так ждал этой минуты! Так ждал! Можно сказать, только о ней и думал. Даже когда принимал пищу в армейской столовой. Всё бросил на алтарь судьбы ради этой минуты! – засуетился Кирилл.

– Что-то ты быстро отслужил, – улыбнулась Аня.

Раздался стук в дверь.

– Не открываем! – решительно пресек попытку Каркушин.

– Как же можно? – растерялась Аня.

– Нужно!

– Анька, ты не одна?! – с нездоровым любопытством поинтересовались за дверью, и через паузу: Или опять Каркушин мозги пудрит?

– Не пудрит, а проветривает, – поправил Кирилл. – Может, мы готовимся к самому главному романтическому путешествию в жизни.

– Вообще-то, мне надо бы возмутиться. Но мне почему-то нравится... твоя решительность, – краснея, ответила Аня.

2

Автомобиль Канцелярии ткнулся и раскачиваясь повис над вечерним городом.

– Где теперь его искать?.. Наводи Локатор на пространство, будем сканировать всё подряд. Сколько времени это займет?.. Время, время не трогай! Он здесь, в этом времени, самостоятельно отсюда никак не мог выбраться. Ну и помощничек достался!.. Вводи данные!

На экране Локатора стали отображаться города, люди, человек в джинсах с дыркой на коленке. Дальше коленки человек не загрузился, изображение зависло.

– Срок ознакомительной версии системы заканчивается, – металлом отозвалась машина. – До окончания действия срока по внутреннему времени остался один день.

– По чьему внутреннему времени? – спросил ассистент.

– По моему внутреннему времени, – уркнула машина.

– Чего это она? – поинтересовался советник.

– Капризничает, – ответил ассистент.

– Пускай капризничает, – отмахнулся советник. – От нас не убудет. Ну, что там?..

– Сканирую.

– Нельзя ли быстрее?..

– Тут так интересно!..

Каркушин уже подсаживался к Ане, при этом продолжая нести всякую чушь.

– Что-то ты быстро отслужил, – улыбнулась Аня.

– Ты не рада?

– Рада!

– Мне дали выполнить одно задание, одно смертельно опасное задание. Ну, я его и выполнил. И как полагается меня отпустили, уволили. Может, присвоят звание Героя. По-смертно.

– Хвастун!

– Хвастовство – своего рода мечтательство, только в несколько извращенной форме.

– Тогда извращенец!

– Ну, тогда... буду вести себя соответствующим образом... то есть... Чем хороша юность? В один миг можно сорваться и оказаться совершенно везде. Новый человек как новая планета, всё как во сне. Поэтому давай выпьем на бру-дершафт!

– Это как?

– Сейчас покажу.

– Я знаю. Такой быстрый.

– Время такое. Ну, давай... давай начнем все сначала.

– Что сначала?.. Такое ощущение, ты гораздо взрослее меня что ли. Впервые такое.

– Это плохо?

– Нет, но...

– Кто-то из нас двоих обязательно должен быть взрослым, – сообщил Кирилл. – Иначе у нас ничего не получится. Только сейчас это понял... Давай...

– Есть! – обрадовался ассистент. – Вот он!

– Захватил?! – ожил советник.

– Захватил!

– Так. Осторожно выживай теперь его из того пространства.

– Не получится.

– Что значит «не получится»?

– Он обнимается с девушкой. Невозможно их... эээ... рассоединить... Хотя, если попробовать...

«А теперь поцелуй!» – со свистом ударило в наушниках посланников Канцелярии.

– Не надо!.. Выживай обоих! – поморщившись, пробормотал советник и как-то весь ослаб.

– Выудил!

– Так, меняй теперь на нем одежду, пока он во вневременьи. На ту, что у нас выдали. Подчищай следы.

– А на ней?

– Что «на ней»?

– На ней на что менять?.. Что с ней делать?

– Ничего не делать! Пока ничего, давай так. Её потом подчистим.

В непонятном времени и пространстве. На мушке Локатора. Аня округлила глаза, когда Кирилл остался без одежды. Потом Кирилл вновь оказался в одежде, в другой. Всё произошло так быстро. Издалека сыпались звезды. Приближаясь, звезды превращались в подсолнухи. Подсолнухи начинали расти, изгибаться, устремляться куда-то ввысь. Не оставалась ничего устойчивого, всё неустойчиво. Фигурки людей уменьшались до песчинок по сравнению с подсолнухами.

– Почему они растут? Почему они были меньше меня, а теперь в сотни, миллионы, миллиарды раз больше?! Я теряю их из поля своего видения!.. Вселенная расширяется, – словно в забытьи шептал Кирилл.

– Как действует коньяк! – это уже восхищенный голос Ани. – Чувство нереальности, оказывается, самое обалденное чувство в этом реальном мире!..

И всё закружилось. Послышались отголоски мелодий. Непонятно откуда появились шмели, издавая своими крыльями звуки лопастей как у вертолета, потом бабочки, стре-

козы. Всё, всё пришло в движение.

– Есть! – отрапортовал ассистент и затрясся от вибрации.
Советник завибрировал тоже.

– Сливай!

– Сливаю!

Щелчок. И темнота.

– Ты куда слил?..

– Сейчас увидим.

– А раньше нельзя было увидеть?

– Раньше ничего нельзя было увидеть. Здесь законы такие.

Не привык. Всё приходится делать впервые.

3

«Очи черные! Очи страстные!

Очи жгучие! И прекрасные!

Как люблю я вас!

Как боюсь я вас!

Жаль, что встретил вас

Я в недобрый час», – поют цыгане.

Кирилл с Аней материализовались за пустым столиком в кафе.

– Как в кино! – восхитилась Аня. – Это так действует коньяк?!

Кирилл был не на шутку встревожен. Он уже понял, что к чему.

– Опять не то время. По топорному действуют дилетанты. Оставят они меня в покое или нет?.. – пробормотал Кирилл и в сторону Ани, чтоб успокоить: В юности, между прочим, почти всё происходит как во сне. Потом, во всяком случае, так кажется. Потом, вообще, многое вспоминаешь, и думаешь: «Не может быть. Не могло так быть. Не было этого». Или было?..

– Да, с другими у меня ничего подобного не было, – ответила Аня и с нежностью посмотрела на Кирилла.

– А что было? – насторожился Каркушин.

– Ничего не было.

– Точно, ничего?

– Да точно, точно!

– Врёшь!

– Чего?! Я, наверное, пойду.

– Куда? Посмотри вокруг... Если я что-то говорю, я знаю.

– Нет, не знаешь!

– Нет, знаю!..

– Ты хочешь, чтобы я ушла?

– Нет. Вот, мы и попали с тобой в ресторан!

– Да!.. стильное местечко.

– А если не было, то будет.

– Чего?

– Это я так, про себя, меню изучаю.

«Зачем мне на ней жениться, раз всё равно придётся разводиться?» – подумал Каркушин.

За столиком напротив двое мужчин сильно потели, капли пота буквально стекали по их лицам. Один из мужчин опустил взгляд, с затаенным наслаждением рассматривал под столом дуло пистолета.

– Христос казал: не убий, – тихо сообщил другой и тоже приковал воспаленный взгляд к пистолету.

– Ты о крови пока молчи. Лучше вот что скажи. *Европа два великих слова миру сказала, два великих слова. Первое слово: свобода, второе слово: социализм. Ну, а мы, что миру сказали? Какую мысль? Кровь лилась за свободу. Кто ей верит теперь? Кровь лилась за социализм? Что же, по-твоему, социализм – рай на земле?..*²

Говоривший перевел взгляд по направлению дула, обнаружил, что пистолет целится прямо на Кирилла с Аней. Взгляды Кирилла с Аней тоже были прикованы к пистолету.

– Христос казал: не убий, – испугался спутник Савинкова.

Машина Канцелярии висела над Москвой начала двадцатого века. Ассистент наблюдал за Кириллом и Аней через экран Локатора.

– Поспешешь – людей насмешишь, – проворчал советник.

– Вроде бы всё правильно делал, нажимал. Не понимаю, почему их сюда занесло?.. – вздохнул ассистент.

– Да потому, что у них, в том времени, куда его нужно от-

² курсивом цитата Савинкова «Конь бледный».

править, все времена перепутались, перемешались, – со знанием дела заключил советник. – В том времени, где он живет, нет четко обозначенных ориентиров. Эклектика. Потому и погрешности.

– Удивляюсь! Вы всему можете найти оправдание.

– Потому и дослужился до советника с особыми полномочиями. Будешь с меня брать пример... Смотри-смотри, что вытворяют! Не хватало ещё, чтоб по нашей вине, раньше нас он опять загремел в Канцелярию. Да ещё с подругой. Вылавливай-вылавливай их скорее!

– Не могу!

– Почему?

– Система дает сбой. Нужно перезагрузиться.

– Так перезагружайся скорее!..

Автомобиль затрясся и странным образом растворился в воздухе. Сотрудники Канцелярии остались висеть без автомобиля в прежних позах. Их тела словно окаменели. Лишь одни глаза проделывали странные и неожиданные вращения. Наконец, по сотрудникам Канцелярии прошла дрожь, тела покрылись паутиной трещин, по частям стали откалываться и рассыпаться. При этом две пары глаз продолжили своё обособленное существование.

– Что я скажу – пора решаться!.. – заявил Савинков. – Все эти мысли, сладкие мысли сопротивления, мысли созидания и разрушения, разрушения того, что кажется назойли-

вым и ненавистным, и созидания нового, неважно чего, все эти сладкие мысли заигрывают со мной и соблазняют.

Савинков был в ударе, вовлекая в свою игру не только соратника и соседа, но и пару за соседним столиком, и наслаждался их немым испугом.

– Мысли как женщины, – заключил Савинков. – Обнажаются, когда приходит их время, или когда я концентрирую на них своё внимание. Попробуй угадать мою мысль!..

– Христос казал: не убий, – пробормотал спутник Савинкова, стряхнув платком пот с лица собеседника.

– Она угадала. Убери ты свой платок! Не вижу.

– Можно тогда это сделаю я?! – выкрикнул спутник, попытавшись выхватить у Савинкова пистолет. – Не получилось жить во имя любви, хочу умереть во имя любви!

– Ты ещё слаб.

– Я долго ждал этого момента, ждал своего предназначения.

– Я тоже ждал!.. – прицеливаясь, сообщил Савинков.

На улице с треском и скрипом затормозила пролетка, что-то посыпалось. Заржала лошадь. Воспользовавшись суетой, Кирилл с Аней бросились вон из кафе. И чуть не попали под лошадь.

Автомобиль Канцелярии, собравшись по частям, вернулся в исходное состояние. Так же в исходное состояние вернулись сотрудники Канцелярии.

– Перезагрузились!.. – не веря случившемуся, обрадовался ассистент.

– Н-да... уж... грешным делом, подумал, вот-вот и окажемся в Канцелярии, сразу в третьем инкубаторе, транзитом, без наших небесноканцелярских тел, в качестве простых смертных. Потом ищи-свищи. Всё тело онемело. Свалился ты на мою голову!

– Вон они! – закричал ассистент.

– Кто?.. Где? Лови... Жми! Хватай их скорее!

Аня, Кирилл и лошадь оказались на мушке Локатора. Произошла вспышка, – пролетка возле кафе осталась стоять без лошади.

Толпа, ошарашенная исчезновением, бросилась врассыпную.

– Что это было?

– Опять террористы.

– Новое оружие!

– Испарились!..

Поперек крыши дома, перебирая копытами, ржала совершенно обезумевшая лошадь, от неё посланники Канцелярии сумели в последний момент избавиться.

– «И я взглянул, и вот, конь бледный, и на нём всадник, которому имя смерть; и ад следовал за ним, и дана ему власть

над четвертою частью земли»³, – в восхищении процитировал Савинков, встав в дверях кафе. – Вот он знак нового века!

Господин средних лет с котелком, наблюдая случившуюся картину через окно кафе, сказал:

– Гиперболоид. Грядет!

– Господин Толстой, что с вами? – поинтересовался официант. – С вами все в порядке?

В воспаленном мозгу господина Толстого прыгали какие-то формулы, люди, страшный взрыв острова.

– Точно, гиперболоид, – заключил Толстой. – Вот он знак! Гиперболоид... инженера Гарина. Пусть будет «Гарина»!.. Актёр хороший. Счет, пожалуйста!

– Подчищать что-нибудь будем? – поинтересовался ассистент.

– И так сойдет. Они тут вроде ничего не натворили, под нашим-то присмотром.

– Ыгы...

4

И опять Кирилл с Аней на мушке Локатора. И Локатор мчит их куда-то в неведанное время и пространство. И сливает.

³ Апокалипсис св. Ап. Иоанна Богослова

За окном, словно в аквариуме, проплывают не то автомобили, не то самолеты. Люди в однотонных одеждах. Руки и лица усыпаны не то пирсингом и наколками, не то кнопками управления.

Каркушин с Аней осторожно встали возле аквариума, готовые в любой момент быть обнаруженными. В аквариуме медленно проплывали не то рыбы, не то бабочки.

Первым делом Кирилл внимательно осмотрел комнату и присутствующих на предмет оружия. Ничего подозрительно. Более того, их появление, как будто, и не заметили.

– Кирилл, можешь объяснить, что происходит?

– Тсс... потом объясню...

На диване мужчина и женщина.

– Пилюли заканчиваются. Жалко. Хотелось бы ещё пообщаться, – вздохнул мужчина. – Почему общение с реальными людьми дороже, чем с виртуальными?

– Реальные настоящие, потому и дороже. Хотя нам, женщинам, пилюль почему-то хватает дольше несмотря на то, что мы общаемся больше. Может, проблема в процессах организма?

– Я где-то слышал, раньше люди могли общаться просто так, без пилюль. Потом разучились.

– Ты псих? Они бы тогда только и делали что общались. Они же древние!

– А тут, даже если нужно сказать пару слов, клади, как

монетку в автофон, пилюлю. А какво президенту? С ним под вечер даже с пилюлями не пообщаешься. Падает на кровать, как убитый. И жди, пока его организм восстановится. Несмотря на то, что у него в организме, можно сказать, вечная бюджетная пилюля!..

– Да.

– И протерпеть-то нужно всего лишь четырехлетний срок.

Кирилл демонстративно прошелся мимо сидящих и, окончательно убедившись в своих предположениях, подошел к Ане:

– Мы для них незаметны.

– Круто!..

– А какво жене президента? – кивнула женщина на диване в сторону жены президента, принимавшей воздушную ванную под струями искусственного ветра, гуляющего в её волосах и тунике. – Женщиной она себя чувствует лишь во время отпуска.

– Я где-то читал, всё началось с того, что давным-давно начали класть в рот предмет под названием «сигарета», – сообщил мужчина на диване. – Этот предмет еще почему-то дымил. Едим таким дымом со смолой. С этого предмета все и началось!

– Раньше все предметы были несовершенны, – ответила женщина. – Как, впрочем, и люди. Создавали ненужные про-

блемы. А нам теперь, блин, расхлебывай!

– Это мы-то несовершенны? – вырвалось у Каркушина, но его слов никто, кроме Ани, не услышал.

Жена президента, приняв воздушную ванную, села на диван и присоединилась к разговору. Мужчина на диване незаметно от неё отодвинулся, с опаской бросив взгляд в сторону спальни.

– Я вот тоже могу привести пример их несовершенства. Моей дочке недавно подарили антикварную куклу, безумно дорогую! Шикарный такой подарок! Но эта кукла всегда почему-то плачет, когда её укладывают в кровать. Моя дочь так полюбила куклу, что стала перенимать её привычки. С ужасом думаю, что будет с дочерью, когда вырастет, – жена президента незаметно стала двигаться в сторону мужчины. – Если была бы такая возможность, вернуться в прошлое и переделать куклу, чтобы она смеялась, когда её будут укладывать. Представляете, её укладывают в кроватку, а она смеётся.

Жена президента почти достигла своей цели, но другая женщина, взяв её за руку, остановила продвижение подруги. Почувствовав неловкую ситуацию и опасную близость жены президента, мужчина резко встал, не выдержали нервы.

– Может, лучше послушать застольные беседы Плутарха, – выдохнул он и включил нечто напоминающее проигрыватель. – Говорят, записаны в подлиннике!

Жена президента ответила неудовольствием, её муж постоянно слушал эти беседы, и тоже встала с дивана:

– Пойду, включу зеркало в компе. Надо причесаться.

– Может, лучше сходим в «Синемагомосапиенспарк»?

– В какое время?..

– Планку времени в спешке слишком резко сдвинул. Ненарочно. По мере движения они ещё откуда-то получили ускорение, независимо от нас. Зато все живы! – вздохнул ассистент, пытаясь разобраться в показаниях приборов.

– Хорошо, хоть не в параллельные миры. Значит, все щели заделали, – проворчал советник.

– Сейчас будет наверняка!.. – улыбнулся ассистент. – Правда, возможна небольшая перегрузка.

– Опять перегрузка! – вспыхнул советник.

– Слишком уж далеко забрались.

– Странно. Очень странно. Люди из прошлого нас видели. Люди будущего – даже не замечают, – растерянно констатировал Кирилл, пройдясь с Аней по комнате.

– Да, – согласилась Аня. – Действительно странно. Ты можешь мне объяснить...

– Потом. Потом тебе всё объясню. И главное обидно! Получается, там, где мы недавно были, мы могли бы жить, а здесь что, не сможем?! Не верится. Всегда жил с ощущением, что впереди целая вечность. Смотри, тут ещё комната!

– Достаточно уютно!

– Да, уютная. Никого кроме нас...

В дальнем неосвещённом углу комнаты на кровати спал мужчина. Кирилл с Аней, увлеченные друг другом, его не заметили.

– Такое ощущение – жизнь вне времени и пространства. Никого не хочется видеть, никому ничего не хочется доказывать, никуда не надо спешить. И в то же время происходит что-то очень важное. Интересно, у других это бывает так же? – улыбнулась Аня.

– Наверное, так же. И хорошо, что они нас не видят. Наконец-то, – отгесняя Аню к кровати, прошептал Кирилл.

Лучащимся взглядом Аня посмотрела на Кирилла.

– Ой, кажется, Моцарт звучит...

– Где?.. Что?.. Тебе показалось... Как хорошо...

Ассистент уже навёл на Каркушина с Аней свой Локатор, советник с особыми полномочиями на всякий случай сам установил планку Времени.

– Всё проверил?

– Всё! Проверил и перепроверил.

– Тогда давай!.. Жми!..

5

Чпок!..

Москва начала 21 века.

На перекрестке так же дымится искореженный остов маршрутки. Те же милиционеры с мелкими и линейками разрисовывают асфальт.

– Долго они ещё будут надо мной издеваться? – с обидой исторг Кирилл.

Он лежал перед разбитой машиной. Повернувшись, застал от боли, изо рта потекла кровь. Каркушина никто как будто не замечал. Кирилл искал Аню глазами, не нашел.

– Казалось, вот оно счастье, рядом и... Оставят они меня в покое, наконец, или нет?

Из багажника машины Канцелярии выглянул отлучённый от дел, с всклокоченными волосами, вытарашенными от перегрузок глазами. Кажется, ещё и челюсть была не на месте. Из машины Канцелярии тоже валил дым, обволакивая ее со всех сторон и превращая в облако.

И тут, где-то в облаках, раздался смех ассистента... Или показалось?

Кирилл поднялся и никому не нужный побрёл домой, словно пьяный, делая виражи вправо и влево.

– Кирилл!.. Каркушин? На работу? Садитесь, подвезу! – соседка по лестничной площадке Вера, выглядывала из окна своего автомобиля и улыбалась.

– Здравствуйте, Вера! – обрадовался Кирилл, но подавил улыбку, улыбки Веры хватило на всех.

– Боже, что у вас с лицом? – испугалась Вера. – Вас срочно надо в больницу!

– Ничего, не надо, пройдет. На углу авария, ещё легко отделался. В рубашке родился!

– Давайте хоть кровь вытру.

Вера выпрыгнула из машины и носовым платком стала вытирать кровь на лице Каркушина.

– Наверное, не пойду сегодня на работу. Все равно уволят, – сказал Кирилл.

– Откуда такие грустные мысли?

– Да, надо собраться с мыслями. Наверное, лучше махнуть на дачу. Переждать там недельку... как бы чего... Потом начать новую жизнь!

– Новая жизнь? Через недельку? Какие у вас интересные ботинки!

– Последний писк моды!

– Писк?... – заинтересовалась Вера, разглядывая ботинки.

– Как твоя фамилия? – подозрительно спросил Каркушин,

– Кирилл, вы же знаете, – удивилась Вера.

– Ну, да... Но... ты никогда не меняла фамилию?

– Нееет... Почему это вас так интересует? – у Веры перехватило дыхание.

– Всё в голове перепуталось, – отмахнулся Кирилл.

– Со мной тоже такое бывает! Может, отвезти вас в больницу?

– А с тобой бывает... такое ощущение, будто всё это уже

было? Дежавю.

– Бывает! – широко распахнула глаза Вера. – О, у меня такое дежавю! будто я даже знаю, где находится ваша работа. Хотя, на самом деле, конечно, не знаю, – добавила словоохотливая соседка. – Странное чувство.

– Странное. У вас здесь всё по-старому?.. Может, махнем тогда вместе ко мне на дачу? Прямо сейчас! Даже домой после аварии не хочется заходить.

– Вообще-то, я собиралась... хотела... зайти на работу.

– Тебе обязательно надо поехать ко мне на дачу!.. Иначе я ни за что не ручаюсь... Надо собраться с мыслями, всё обдумать, залечь на дно.

– Кирилл, а как же работа?.. Какой-то странный... может, вас кто преследует?..

6

Ветер обдувал машину Канцелярии, висевшую над Москвой начала 21 века. Локатор от больших перегрузок вывалился из панели машины, висел экраном вниз. Аня с ощущением полного счастья продолжала вращаться на экране Локатора. Рядом с Аней вращался мужчина в пижаме, случайно прихваченный из будущего. Но ни на Локатор, ни на мужчину в пижаме никто даже не обратил внимания.

– С Каркушиным разобрались, – удовлетворенно кивнул советник.

– Разобрались, – улыбнулся ассистент. – Я ж говорил, у

нас всё получится!..

– Теперь бы куда пристроить эту, что выудили вместе с Каркушиным, – вспомнил советник. – Боюсь перемещаться в другое время. Что-нибудь напортачим.

– Техника несовершенна, – согласился ассистент.

– Ещё попадем за горизонт событий, тогда вообще ничего исправить. Что делать?

– С собой, в Канцелярию? – осторожно предложил ассистент.

– Не поймут. По Закону космической цензуры, Бог не терпит голой сингулярности. Чего ржешь?.. – советник растерянно поискал взглядом, посмотрел вниз, на Москву, перевел недвусмысленный взгляд на ассистента. – Дадим задание Судьбистам, чтоб вписали недостающие моменты её биографии. Или даже пусть ничего не делают, пусть даже не знают, напортачат ещё. Лучше оставим всё, как есть. Прележала, например, в коме, что-то в этом роде. Обоснуем потом, если потребуется, наш поступок перед Канцелярией. Может, и не потребуется.

– То есть оставляем здесь?

– Чем слушаешь?! Оставляем. Сотри только память, чтоб не свихнулась.

Ассистент забарабанил пальцами по клавиатуре, так и не глянув в экран Локатора, после недавней успешной операции чувствовал себя ассом.

– И написать жалобу на этот несовершенный кусок желе-

за. Нас поймут!

– Должны понять, – согласился советник.

– Сами вы несовершеннолетние, – проворчала машина.

Советник скорчил гримасу, в полемику вступать не стал.

– Проследим немного за Каркушиным для отчетности.

Убедимся, что всё прошло удачно и без последствий, – сообщил советник.

Ассистент ударом клавиши вывел на экран Локатора пункт назначения объекта депортации. «Без шума», – добавил он голосом начальника Канцелярии и, подавив улыбку, красивым длинным жестом нажал кнопку ввода.

Аня с мужчиной в пижаме поплыли над городом, как на картине Марка Шагала, врезались в стену гостиницы, потыкавшись, нащупали своими телами открытое окно и, как были в беспамятстве, опустились на свежезастланную кровать.

7

Автомобиль Веры с ветерком мчал по шоссе. На переднем сидении, с разбитым лицом сидел Каркушин и наслаждался свободой.

– И что мы сегодня отмечаем? – улыбнулась Вера, пытаясь найти оправдание своему неожиданному поступку.

– Начало новой жизни! Я ж говорил, – ответил Кирилл, немного подумав, добавил: Я в детстве каждый день рождения, каждый новый год, каждый новый учебный год в школе

начинал новую жизнь. Даже тетрадки чистые заводил...

– И что, получалось?

– Получалось. Правда, только на несколько дней.

– Но сейчас же у тебя нет тетрадок?.. – волнуясь, выдохнула Вера.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.